

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV

2020

*The periodical of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*

**RELIGION AND SOCIETY
IN THE EAST**

Issue IV
2020

Editor-in-Chief
Aleksei V. Sarabiev

ISSN 2542-1530

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ

Выпуск IV
2020

ISSN 2542-1530

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Религия и общество на Востоке. Выпуск IV (2020)

ISSN 2542-1530

ISBN 978-5-89282-943-4

DOI 10.31696/2542-1530-2020-4

Издание индексируется в РИНЦ

Интернет-сайт: <http://religion.ivran.ru>

Адрес редакции «Религия и общество на Востоке»:
107031 Москва, ул. Рождественка, 12, каб. 125

Первостепенным принципом отбора материалов является их научность.

Содержащиеся в статьях идеи и выводы могут не отражать мнения редакции
и редколлегии.

Научное периодическое издание
Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Подписано 21.03.2020. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5.

© А.В. Сарабьев, 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

«Религия и общество на Востоке»
Периодическое издание. ISSN 2542–1530

Выходит раз в год

Главный редактор

САРАБЬЕВ Алексей Викторович
к. и. н. (Москва, ИВ РАН)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович
к. и. н., заместитель директора (Москва, ИВ РАН)

ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич
д. и. н., профессор (Москва, ИМЭМО РАН)

ГАВРИЛОВ Сергей Анатольевич
председатель Комитета по развитию гражданского общества,
вопросам общественных и религиозных объединений Госдумы РФ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич
д. полит. н., профессор (Москва, ИВ РАН)

КОБЗЕВ Артем Игоревич
д. филос. н., профессор (Москва, ИВ РАН, МФТИ(ГУ), РГГУ)

НАУМКИН Виталий Вячеславович
академик РАН, д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН)

ОРЛОВ Владимир Викторович
д. и. н., профессор (Москва, ИВ РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова)

САУТОВ Владимир Нилович
к. и. н., заместитель директора по развитию (Москва, ИВ РАН)
Вице-президент по маркетингу и внешним связям Корпорации "Иркут"

ФОМИН Олег Иванович
к. и. н., президент Фонда «РУССАР» (Москва, ИППО)

ШУВАЛОВ Константин Викторович
Чрезвычайный и Полномочный посол (МИД РФ)

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович
д. и. н., профессор (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИВ РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ, или **О взаимосвязи религиозной политики и религии**

- 10 -

ПОЛИТИКА И ЦЕРКОВЬ

Александр ЯКОВЛЕВ

Кризис в отношениях между Константинопольским и Московским патриархатами в контексте мировой политики XX–XXI веков

- 26 -

Алексей САРАБЬЕВ

Российское влияние на ближневосточные церковные дела: 120 лет тому назад

- 67 -

ОТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
К РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ

Григорий КОСАЧ

«Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества

- 96 -

Игорь СЛЕДЗЕВСКИЙ

Борьба за истинную веру: религиозная революция в Черной Африке

- 127 -

Филип СТЮАРТ

Миротворчество в Израиле: на пути к открытому обществу в условиях устойчивой демократии

- 162 -

Нафисе ВА'ЭЗ

**Влияние паломнических поездок на региональную
политику Ирана и его отношения с обновленным Ираком**

- 184 -

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ
В СТРАНАХ ВОСТОКА

Алексей ДРУГОВ

**Мусульманский радикализм и терроризм
в современной Индонезии**

- 230 -

EX PRINCIPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Агентурная записка 1920 года о положении в Турции

(Публикация архивного документа, предисловие
и комментарии *Алексея САРАБЬЕВА*)

- 255 -

ОБ АВТОРАХ

- 284 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

- 300 -

CONTENT

TO READERS, or
On the Relationship of Religious Politics and Religion

- 10 -

POLITICS AND THE CHURCH

Alexander YAKOVLEV

**The Crisis in Relations Between the Constantinople
and Moscow Patriarchates in the Context of World Politics
of the XX – XXI centuries**

- 26 -

Aleksei SARABIEV

**Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs:
120 years ago**

- 67 -

FROM RELIGIOUS CONSCIOUSNESS TO RELIGIOUS POLITICS

Grigory KOSACH

**Russian “Islamic” Diplomacy:
Organization of Islamic Cooperation**

- 96 -

Igor SLEDZEVSKY

**The Struggle for True Faith:
Religious Revolution in Black Africa**

- 127 -

Philip STEWART

**Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society
in Sustainable Democracy**

- 162 -

Nafise VAEZ
**The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and
Its Relations with Renewed Iraq**

- 184 -

RELIGIOUS RADICALISM
IN THE COUNTRIES OF THE EAST

Alexey DRUGOV
Muslim Radicalism and Terrorism in Modern Indonesia

- 230 -

EX PRINCIPIIS / FROM SOURCES

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey
Publication of an archival document, foreword and comments by
Aleksei SARABIEV

- 255 -

ABOUT AUTHORS

- 287 -

ABSTRACTS

- 290 -

IN THE PAST ISSUES

- 297 -

ВЛИЯНИЕ ПАЛОМНИЧЕСКИХ ПОЕЗДОК НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ ИРАНА И ЕГО ОТНОШЕНИЯ С ОБНОВЛЕННЫМ ИРАКОМ¹

DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-184-229

Исследуется влияние паломнических поездок иранских шиитов в Ирак на региональную политику Ирана, а также на взаимоотношения Ирана с обновленным Ираком. Автор применяет элементы описательно-аналитического метода, а также синтеза теории критериев лидерства Флемеса, теории функционального императива к сотрудничеству Митрани и конструктивистской теории воздействия социальных норм на политическое поведение акторов. Исследовательская гипотеза состоит в том, что в силу влияния на политику Ирана шиитской идентичности значительной части населения региона паломнические поездки породили императив к сотрудничеству между двумя странами: укрепив ирано-иракские отношения, они создадут предпосылки для реализации политики исламского объединения на Ближнем Востоке на базе опыта глубокого взаимодействия с Ираком. Этот опыт свидетельствует, что важнейшие функции паломнических поездок для региональной политики ИРИ и ирано-иракских отношений сводятся к следующему: созданию базиса для исламской конвергенции, переосмыслению понятия «исламская идентичность» и использованию космополитической функции духовного путешествия, превращению границ войны в границы мира, отказу Ирана от возрождения прежних политических разногласий и опоре на политику мягкой силы

¹ Оригинал статьи был опубликован на персидском языке в журнале «Ши'э шенаси» [Шиитские исследования], Том XIII, № 2 (2015). С. 181–220. Перевод на русский – Б.В. Норик. Подбор статьи и перевод осуществлены при поддержке Фонда исламской культуры им. Ибн Сины.

в обновленном Ираке, влиянию духовности паломников на распространение идеи ненасилия и установления мира в регионе, участию в восстановлении Ирака с акцентом на воссоздание гробниц шиитских имамов в Багдаде, Наджафе и Кербеле. Политика Ирана в отношении Ирака формализуется с помощью конструктивистского анализа на основе приоритета нормы над интересами.

Ключевые слова: паломничество, религиозный туризм, региональная политика, сила, Иран, Ирак, шиитская культура

Введение

Паломнический туризм составляет один из наиболее распространенных видов туризма в исламских странах Ближнего Востока. Паломнические поездки к святым местам Ирана и Ирака относят к числу наиболее ранних и значительных форм взаимных контактов этих двух стран.

Исламская Республика Иран (далее – ИРИ) неоднократно выражала свое стремление создать Всемирный исламский совет, и в первую очередь, Ближневосточный исламский союз, чтобы самой участвовать в форматировании ядра лидирующих стран Ближнего Востока.

В этих своих планах страна исходит из понимания собственного культурного потенциала и духовного влияния на регион. В новой туристической индустрии, занимающей третье место в мировой торговле, помимо денежного обмена происходит обмен этическими ценностями. Ответственные за разработку культурной политики ИРИ предполагают различными путями, в том числе с помощью религиозного туризма, оказать влияние на культурный обмен в регионе таким образом, чтобы устранить общую политическую линию на сдерживание своей страны.

В данном исследовании предполагается на основе описательно-аналитического метода осветить вопрос влияния религиозного туризма на региональную политику Ирана и, в частности, на его взаимоотношения с обновленным Ираком. Базовая гипотеза работы состоит в том, что ввиду влияния религиозной идентичности на политическое поведение

ИРИ в регионе, а особенно в силу воздействия шиитской идентичности на политику Ирана в отношении Ирака, паломнические поездки в краткосрочной перспективе привели к относительному снижению факторов, разделяющих эти две шиитские страны. В среднесрочной перспективе шиитское паломничество укрепит отношения Ирана с Ираком как влиятельным членом Арабской лиги и в долгосрочной перспективе создаст предпосылки для реализации идеи Ближневосточного исламского союза – уже на основе опыта глубокого взаимодействия с Ираком.

Основные понятия

Перед тем как перейти к непосредственному предмету исследования, представляется необходимым дать определения используемым в нем терминам.

1. *Паломник-турист*. Представляется, что словосочетание «религиозный туризм» превратилось в своеобразный омоним, из которого каждый извлекает содержание, соответствующее его собственному пониманию, но не обязательно совпадающее с другими трактовками. Автор считает паломником-туристом путешественника, отправляющегося в путь для того, чтобы встретиться с духовными лицами или посетить места, наподобие гробниц непорочных имамов и их потомков. В отличие от обычной туристической поездки, даже если такое путешествие будет сопровождаться тяготами, то это не только не окажется препятствием, но в некоторых случаях будет истолковано как знак свыше, что усилия паломника приняты.

2. *Чистый и религиозный туризм*. Некоторые исследователи, например, Шоу и Уильямс [Shaw, Williams 1994, 68], пытались дать определение понятию «турист». Это определение представляется некорректным, поскольку трактует туриста как путешественника. Были попытки дать определение и понятию «религиозный туризм». Однако здесь содержательное определение подменялось описанием религиозных мотивов паломников. В данной статье под религиозным туристом понимается человек, который отправляется к святым местам

как паломник с целью совершить те или иные обязательные или желательные религиозные обряды. Под чистым же туризмом мы понимаем такой род туризма, который не связан с грехом, не создает паломнику никаких препятствий для совершения религиозных обрядов, а все его предшествующие и последующие деяния считаются допустимыми с точки зрения исламских законов.

3. *Социология паломничества.* Под социологией паломничества понимается изучение той сферы коллективного поведения, которую принято называть паломническим действием. Это отрасль социологии, занимающаяся паломническим поведением коллектива как коллективным актом [Таки-заде Давари 2001, 59]. Поскольку иранские паломники-шииты отправляются к святым местам, расположенным в Ираке, то их паломническое поведение, их симпатии по отношению к иракским единоверцам, а также давно позабытое единодушие с иракскими шиитами рассматриваются нами в контексте религиозной социологии, а точнее ее особого направления – социологии паломничества.

4. *Обновленный Ирак.* Под «обновленным Ираком» мы понимаем период после падения Саддама Хусейна в 2003 г., после оккупации Ирака американскими войсками и их союзниками по НАТО под предлогом наличия в этой стране оружия массового уничтожения. С этим периодом связаны появление иракского шиитского государства, воссоздание и приход к власти ослабленных шиитских институтов [Талашан 2010, 31], а также появление в Ираке федералистских тенденций. Ближайшим следствием возникновения в Ираке шиитского государства стало расширение перспективных сфер приложения региональной политики Ирана.

Теоретическая основа исследования

Междисциплинарный характер настоящего исследования не позволяет строить его на какой-то одной теории, поэтому представляется, что выполнение поставленных задач будет обеспечено сочетанием нескольких научных концепций.

После Исламской революции, опираясь на коранические истины: «Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними» (Коран 13:11)¹ и «Поистине, этот ваш народ – народ единый, и Я – Господь ваш, поклоняйтесь же Мне!» (Коран 21:92), руководство ИРИ пересмотрело свою внешнюю политику. Было решено на основе идеи сближения обратиться к созданию единой исламской общины и этим повысить уровень политического единомыслия в регионе, а для достижения этой высокой цели – опробовать эффективные тактические приемы.

После окончания холодной войны в регионе возникли предпосылки создания своих полюсов силы (или, по выражению Барри Бузана², «формирования системы власти» [Buzan 1996, 42]), способных нивелировать давление крупных держав. В этих условиях свой идеал единой исламской общины Иран предпочел сначала воплотить в форме Ближневосточного исламского союза. Уже следующим шагом – при опоре на ряд теорий, наподобие предложенных Дэвидом Митрани³ и Эрнстом Хаасом⁴, которые исходят из усложнения ситуации на международной арене и признании функционального императива к сотрудничеству между разрозненными поли-

¹ Здесь и далее приводится по изданию: Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, 1988. – *Прим. ред.*

² Барри Гордон Бузан (род. 1946), политолог «английской школы» международных отношений (London School of Economics), основатель теории комплекса региональной безопасности.

³ Дэвид Митрани (1888–1975), политолог румынского происхождения, работал в Институте перспективных исследований Принстонского университета (США). Известен как специалист в области региональной интеграции и основоположник теории функционализма в международных отношениях. – *Прим. ред.*

⁴ Эрнст Бернард Хаас (1924–2003), американский политолог немецко-еврейского происхождения. Служил в военной разведке США, учился в Чикагском и Колумбийском университетах. Работал профессором Департамента политических наук при правительстве США, был профессором, а в 1969–1973 гг. директором Института международных исследований Калифорнийского университета в Беркли. Разрабатывал теорию интеграции в рамках неофункционализма. – *Прим. ред.*

тическими единицами, – должен стать переход к региональной интеграции.

Как правило, и региональные, и надрегиональные игроки смотрят на появление новой силы в регионе без оптимизма и обеспокоенно следят за усилением соперников, предполагая вероятную угрозу своим интересам. Согласно теории Бузана, один из путей решения такого рода проблем состоит в том, чтобы политические единицы не стремились к обретению могущества в одиночку, но, подобно тройке европейских стран – Англии, Франции и Германии, добивались своих целей через вхождение в ядро ближневосточных лидеров и выстраивание союзнических отношений с равными себе странами, что обеспечит им меньшее давление на пути к обретению доминирующего положения.

По мнению исследовательницы Макси Шуман, для превращения в региональную державу необходимы четыре важные предпосылки: (1) внутренние стимулы, побуждающие играть лидирующую и стабилизирующую роль; (2) проявление интереса к занятию ведущих позиций; (3) создание необходимого потенциала; (4) признание соседними странами лидерства этой державы в контексте региональной безопасности [Schoeman 2000, 353].

Дэвид Болдуин определяет понятие «сила государства» в таких аспектах, как экономическая деятельность и обеспечение безопасности, а также сфера влияния и политического веса в смысле «признания статуса региональной державы со стороны других государств, принятия на себя расходов и приобретения всех инструментов и механизмов реализации власти» [Baldwin 2002, 178–179].

Даниел Флемес¹, на теорию которого опирается настоящее исследование, считает, что превращение в региональную державу обеспечивают четыре главные критерия: (1) доброжелательное проявление притязаний на лидерство; (2) использование необходимых материальных и интеллектуальных источников силы: внешняя политика такого государ-

¹ Ученый из Германского института глобальных и региональных исследований (GIGA, Гамбург) – *Прим. ред.*

ства должна быть приемлемой, надежной, а также содержать привлекательные нравственные и культурные компоненты; (3) своевременное использование инструментария внешней политики, например, зарубежные инвестиции, торговля, оказание помощи; (4) признание лидирующей роли «третьими странами» [Flemes 2007, 12–18], что требует от этого государства ответственного поведения, поскольку, если страны региона не примут его лидирующей роли, процесс обретения силы окажется трудным. Как будет показано ниже, Иран в относительной степени соответствует четырем этим критериям.

В свою очередь, согласно теории кооперативной гегемонии [Pedersen 2002, 677–696], некоторые сильные государства, создавая определенную региональную идентичность, не только укрепляют конвергенцию в рамках региона, но и повышают свой переговорный потенциал в надгосударственной сфере. В этой связи одним из конструктивных элементов региональной политики Ирана является создание Ближневосточного исламского союза, в рамках которого приоритетом считается углубление сотрудничества с обновленным Ираком.

После окончания холодной войны мир начал восприниматься в русле глобалистской парадигмы, что усиливает тягу к созданию различного рода объединений. По мнению упоминавшихся Хааса и Митрани, государства уже не в состоянии в одиночку противостоять ряду общих проблем, например, загрязнению окружающей среды, киберпреступности или распространению эпидемий: односторонние усилия государств, как правило, неэффективны и требуют огромных затрат. Таким образом, государствам необходимо сотрудничать друг с другом. Несмотря на отдельные проблемы, связанные с распределением финансирования и обязанностей, национальные задачи могут быть решены только благодаря международному сотрудничеству.

Дэвид Митрани считает, что существует своего рода функциональный императив, побуждающий страны к сотрудничеству с целью разрешения имеющихся проблем [Mitranу 1996, 27]. По мысли ученого, чтобы выйти из-под давления беспокойной, полной хаоса международной атмосферы,

национальное государство должно передать некоторые сферы своей компетенции наднациональным институтам. Он считает, что сотрудничество в технической области создаст предпосылки для сотрудничества политического, а также для соглашений по безопасности [Маскле 2002, 5]. Как показывают результаты подобного сотрудничества в Европе, может появиться возможность политического объединения государств [Сайф-заде 2005, 387).

Следуя идее Митрани, одной из общих проблем ближневосточных стран является отсутствие адекватной доли в растущей мировой туристической индустрии. Эти страны могли бы сотрудничать друг с другом в поисках путей увеличения туристического потока и в ходе этого сотрудничества – приблизиться к созданию Ближневосточного исламского союза. В частности, основными проблемами в ирано-иракских отношениях являются отсутствие безопасности и комфорта, особенно теракты, совершаемые против иранских паломников во время их поездок по Ираку. ИРИ на основе широкого сотрудничества в сфере обеспечения безопасности и комфорта паломников развивает взаимоотношения с обновленным Ираком, что занимает особое место в ее региональной политике.

Помимо теорий Митрани и Флемеса, мы используем также идеи конструктивистов, полагавших, что интеллектуальные и нормативные конструкты обладают той же ценностью, что и материальные [Мошир-заде 2007, 335]. Кроме того, они считают, что политические поступки личности и действия общества формируются на основе идентичности и культуры самого этого общества [Шафи'и 2010, 56). Отсюда, стратегия ИРИ в отношении Ирака, являясь частью иранской общерегиональной стратегии, трактуется в русле союзничества и добрососедства, а также стремления к усилению влияния в регионе [Бохрани 2012, 32], с той только особенностью, что Иран обладает богатой религиозной культурой, и после Исламской революции религиозная идентичность придаст политическим действиям этой страны на международной арене особый смысл. На основе конструктивистского анализа

предмета исследования мы приходим к выводу, что в силу наличия внутри страны религиозного запроса на паломничество к святым местам Ирака, а также устойчивости нормы, именуемой «паломничество», иракская политика Ирана и ирано-иракские отношения реализуются на основе приоритета нормы над интересами.

***Задачи, которые необходимо решить Ирану
для превращения в региональную державу
после окончания холодной войны***

Поиск гарантий собственной независимости диктует ИРИ стремление к обретению силы в регионе – это ясно отмечается в Перспективном плане развития. В документе слова «региональное превосходство» (*бартари-йе мантакеи*) означают выход на первое место в сфере экономики, науки и технологий [Резайи 2006, 65]. Такая трактовка превосходства подразумевает, что, во-первых, ИРИ ни в стратегическом, ни в геополитическом отношении не вынашивает захватнических планов и не предполагает расширение своих границ в любой точке региона. Во-вторых, стратегия опоры на экономику, науку и технологии предполагает, что ИРИ отрицает любые формы милитаристской политики, гонку вооружений и концентрацию в регионе разрушительных видов вооружений.

Согласно этому подходу, стратегия силы на религиозной закваске воспринимается не просто как неизбежность, но как некая ценность, которая станет ответом на национальный запрос и стремлением избежать повторения горького исторического опыта в будущем.

Среди прочих аргументов в пользу необходимости усиления Ирана можно назвать следующие:

1. Секуляризм и пересмотр интересов на основе региональной кооперации

ИРИ находится в окружении двух систем – одна из них тяготеет к Персидскому заливу, другая – к Центральной Азии. Для выхода из создавшегося положения политическая логика требует избавиться от регионального давления

с помощью интеграционных процессов и войти в число региональных держав.

В эпоху, последовавшую за окончанием холодной войны, у Ирана появилась возможность пересмотреть свой взгляд на внешнюю политику (в том числе, с учетом теории Митрани), и понять, что отсутствие в международных институтах идет не на пользу стране и увеличивает ее уязвимость, что для исправления положения, возникшего в результате изменений революционных и военных лет, а также для усиления экономической мощи необходимо сотрудничество с мировыми экономическими институтами. Таким образом, Иран стал проявлять большую гибкость по отношению к внешнему миру.

Например, пересмотрев свои отношения внутри Организации регионального сотрудничества и развития [Бейлис 2004, 319], Иран уже в рамках Организации экономического сотрудничества расширил сотрудничество со странами Центральной Азии. В числе прочих изменений было то, что вместо прямого столкновения с тем, что Иран считал «несправедливым мировым порядком», он преследует свои цели по правилам международной игры. В этой связи, на первом этапе Иран принял решение снять напряженность в отношениях с Саудовской Аравией и рядом европейских стран [Рахмани 1996, 77], с тем чтобы снизить давление со стороны США, и в будущие десятилетия, реализуя многостороннюю политику интеграции и уравнивания, сформулировать свою стратегию и предпринять необходимые шаги для ее проведения в жизнь на международной арене, что для такой страны как Иран, является скорее неизбежностью, нежели благоприятным условием [Хаджжи Йусефи 2008, 46].

Проводя исламский принцип «сплоченности сердец»¹, Иран в значительной степени изменил негативный взгляд стран региона на свои задачи в регионе в позитивную сторону. В частности, помощь Афганистану и Ираку показывает, что Иран способен проявить себя в качестве региональ-

¹ См., например: Коран 8:62–63. – *Прим. перев.*

ной державы, воспринимающей коллективную безопасность, а также безопасность соседних стран как свою собственную.

2. Воспроизводство исламо-иранской модели власти, создание режима безопасности и политика уравнивания

Еще одной задачей Ирана является создание режима безопасности с той оговоркой, что сущность понятия «безопасность» относительна, абстрактна и не поддается анализу [Басири 2000, 71], а абсолютная безопасность недостижима. Таким образом, один из путей превращения в региональную державу заключается в обеспечении такой безопасности, которая гарантирует всестороннее развитие страны.

Кроме того, по мнению ряда аналитиков, Иран – единственная страна, которая, благодаря специфическим особенностям и структурным преимуществам на региональном уровне, способна вызвать антагонизм, поэтому ИРИ необходимо получить ситуативные преимущества. Хотя Иран может использовать свою способность к созданию антагонизма в реваншистском ключе и завести регион в тупик, ИРИ, напротив, стремясь возвысить свое положение, устанавливает партнерские отношения с авторитетными соседними странами, в частности с Ираком.

Факторы, способствующие и препятствующие превращению ИРИ в региональную державу

К числу важнейших факторов, способствующих превращению ИРИ в региональную державу, относятся: идеологический базис, богатая исламо-шиитская и революционная культура [Тюаль 2003, 24], воля к реализации идеалов пророка Мухаммада и имама 'Али в своей духовно-ориентированной политике, историческая ситуация, геополитическое значение страны, качественный и количественный состав населения, обладание стратегическими запасами нефти, газа и полезных ископаемых, а также использование земельных и водных ресурсов.

Однако особую важность мы придаем ограничениям: анализ и предупреждение последних имеют своей целью нейтрализовать или уменьшить давление сдерживающих

факторов. Одним из факторов, препятствующих усилению Ирана, являются углубляющиеся разногласия на Ближнем Востоке, которые затрудняют Ирану создание благоприятных условий в регионе и реализацию его стратегии в Ираке: этот процесс будет откладывать решение задач ИРИ вплоть до относительного снижения его интенсивности.

Среди этих разногласий можно упомянуть следующие: двойственность политических режимов, обладающих двумя противоречивыми структурами – традиционной и модернистской, пограничные споры, рост в регионе экстремистских идеологий, например, салафизма, считающего Иран чужаком и самым крупным возмутителем спокойствия современной эпохи [Бакернежад 2010, 56], талибанизм. Разногласия вызываются также рядом структурных препятствий, в частности неэффективностью региональных институтов, неспособностью управления кризисными ситуациями, слабостью инфраструктуры, необходимой для региональной конвергенции, невысоким уровнем развития, участием в противоречащих друг другу политических договорах, до самого основания сотрясающих структуры безопасности, необходимые для регионального объединения. Важнейшим из всего этого является хрупкость безопасности на Ближнем Востоке, которая лишает Иран возможности решения поставленных задач.

Некоторые пессимистичные взгляды на региональную политику Ирана переросли в нежелание принимать его силу на рациональном уровне. Так, Холидей характеризует пессимизм государств в отношении региональной политики Ирана следующим образом: «Иран, как и другие революционные страны, прикрываясь универсалистской риторикой, преследует свои национальные интересы, используя международную помощь для тактической реализации своих задач» [Halliday 1999, 127].

Еще одним психологическим препятствием на пути реализации политики объединения на Ближнем Востоке является отрицательное отношение к созданию различного рода союзов [Vaez 2011] в силу неудачного опыта движений

за исламское объединение и, вследствие этого, восприятия самой мысли об объединении как бесполезного занятия.

Среди негативных стереотипов можно назвать и соотношение иранского ислама с талибанистским исламом и исламским экстремизмом, что не позволяет признавать Иран ведущей державой.

С разрушением биполярной системы сложились благоприятные условия для регионализма, однако существующие на Ближнем Востоке структуры и режимы не были готовы к такой политике ввиду первоочередности угроз стабильности и безопасности [Йазданфам 2009, 17], которые мешают думать о широких горизонтах сотрудничества. Правительства стран региона сталкиваются с нестабильностью власти и кризисом легитимности [Симпсон 2009, 149], поэтому в своей внешней политике больший приоритет они отдают соображениям безопасности и редко проявляют желание к взаимному сотрудничеству, предпочитая иметь дело с державами, находящимися за пределами своего региона.

Иран, не относящийся к арабским странам, не смог завоевать доверия арабов: самые глубокие взаимные подозрения в зоне Персидского залива имеют место между Ираном и странами Залива. Те считали Иран проводником экспансионистской политики в эпоху пехлевийской монархии и источником угрозы безопасности для себя после Исламской революции [Хаас 1993, 19]. Подобное восприятие политического поведения Ирана вредит решению его региональных задач. Даже несмотря на проявление дружественных знаков (например, демонстрация готовности ко вхождению в систему безопасности через ССАГПЗ [Амирахмади 1999, 54]), Иран все равно сталкивается с неприветливостью и сомнениями со стороны стран региона. ИРИ постоянно испытывает на себе подозрительность в отношении региональных подходов, а также множественность и неоднородность, обычные по отношению к внешней политике революционных стран [Halliday 1999, 131]. Во всяком случае, стереотип, что Иран стремится не к лидерству, а к господству в регионе [Бжезинский 2007, 274], сдерживает расширение его влияния.

Если ко всем негативным стереотипам прибавить восприятие Ирана как источника угрозы через структурные конфликты в соседних странах, тогда сложность положения ИРИ в регионе станет очевидной. Неверные интерпретации Ирана салафитским исламом привели к его ослаблению, ведь салафиты убеждены, что Иран – враг, которому необходимо противостоять. По их мнению, его опасность для региона превосходит угрозу, исходящую от Запада, и к нему они относят содержание аята «И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения...» (Коран 2:193).

Обращая особое внимание на эволюцию обновленного Ирака, следует помнить, что любые споры Ирана с соседними странами окажутся серьезным препятствием на пути признания его превосходства в регионе. ИРИ является наследницей давних исторических конфликтов, запутанность которых непрерывно возрастает. Только один взгляд на политическую карту Ирана показывает, что разрешение этих конфликтов является насущной необходимостью для превращения ИРИ в региональную державу. Начиная с сефевидской эпохи¹, Иран несет на своих плечах бремя разногласий относительно реки Арванд². Так, после обретения Ираком независимости Иран принял решение воздержаться от признания нового государства до тех пор, пока Ирак официально не подтвердит права Ирана в районе Арванда [Моджтахед-заде 2000, 97]. Однако подобная тактика ни к чему не привела: после этого Иран и Ирак подписали десятки договоров о разграничении, последним из которых был Алжирский пакт 1975 г. Однако столкновения продолжились и, в конце концов, вылились в навязанную Ираком войну.

Длительное противостояние все время таит в себе опасность перерастания в конфликт между арабами и иранцами, что создает атмосферу неустойчивости в сфере безопасности и может задержать усиление региональной мощи Ирана. Если в Ираке придет к власти правительство, которое поднимет старый вопрос о реке Арванд, это создаст напряженность

¹ Династия Сафавидов правила с 1502 по 1736 гг. – *Прим. перев.*

² Другое название реки – Шатт-эль-араб. – *Прим. перев.*

в отношениях с Ираком и стратегия Ирана, направленная на превращение в региональную державу, столкнется с серьезными препятствиями.

Духовные цели паломнических поездок

Основными задачами религиозных поездок считается приобщение к духовности и богоискательство. По мнению Имама 'Али, один из глубинных смыслов путешествия состоит в том, чтобы сделать шаг к исправлению будущей жизни [Йа'куби 1997, 63].

Надежда на облегчение страданий и избавления от страхов и угроз на протяжении всей истории человечества неизменно выступали стимулами для совершения паломнических поездок. Благословенная Мекка, возвышенная Кербела и благородный Наджаф в Ираке, Иерусалим в Палестине, Фатима в Португалии, Ватикан в Риме – вот лишь несколько из множества мест, куда направляются религиозные туристы, движимые желанием обрести Бога.

С точки зрения паломников, святые места являются точкой соединения материального и духовного миров. Своим духовным оком паломник видит, что несмотря на то, что пророк или имам, к могиле которого он приходит, скрыт от внешних органов чувств, присутствие в священном месте равносильно присутствию в собрании имамов.

Еще одна цель паломничества – стяжание духовной радости. В приводимых ниже аятах содержится не просто предложение, но иногда даже повеление совершить путешествие ради укрепления веры:

– «Скажи: Ступайте по земле и посмотрите, каков был конец грешников!» (Коран 27:69).

– «До вас уже прошли примерные обычаи; походите по земле и посмотрите, каков был конец считающих ложью!» (Коран 3:137).

– «Разве они не ходили по земле и не видели, каков был конец тех, кто был до них? Были они мощнее их силой...» (Коран 35:44). В этих словах слышится упрек.

Подобная вопросительно-побудительная интонация повторяется и в других аятах Корана: 12:109, 30:9, 40:82, 47:10.

Коран побуждает мусульман к путешествию ради наслаждения божественным творением, распространения слова Аллаха и культурного обмена. Коран подтверждает наличие в паломническом дискурсе мотива поиска заступничества святых перед Аллахом. Подобное поведение иранских паломников не раз выставлялось в черном цвете ваххабитами и салафитами [Чехельтани 2010, 44], хотя в суре «Йусуф» сказано: «Он сказал: Я буду просить прощения для вас у моего Господа. Поистине, Он – прощающий, милостивый!» (Коран 12:98) Здесь обращение за помощью к заступнику перед Всевышним возводится в разряд коранического предписания.

Влияние Исламской революции на туриנדустрию в Иране

После Исламской революции в силу различных причин, в частности необходимости защиты репутации теократии и поддержания влияния шиитской культуры на политическую сферу, усилились проявления верности шиизму, и особенно это коснулось мест паломничества.

После 1979 г. в государственной среде Ирана произошли фундаментальные изменения в сфере принятия решений по проблемам туристической отрасли. Перечислим наиболее важные из них.

1. *Дотирование и инвестиции в религиозную туриנדустрию.* В начальный период Исламской революции туризм считали не просто прибыльной индустрией: сторонники умеренно негативного взгляда видели в нем род занятий, ведущий к роскоши, а приверженцы крайне негативного взгляда воспринимали его как фактор, способствующий распространению порока и распущенности, а иногда даже как прикрытие для шпионской деятельности. Поэтому в первом и втором Планах развития он занял место в качестве одной из проблемных областей культурной сферы [Тахлилха-йе... 1992, 26].

Кроме того, по религиозным мотивам на определенные виды туризма (например, курортный туризм) был введен запрет. В условиях санкций и международной изоляции Ирана, особенно в первое десятилетие существования ИРИ, одним из немногих разрешенных властью путей связи с миром были паломнические поездки. При этом в последующие годы, когда общее количество туристов в мире достигло в 2000 г. около 661 млн чел., а в 2001 г. – 900 млн чел. (www.wto.org)¹, на долю Ирана приходилась лишь ничтожная часть этого блуждающего мирового капитала. Поэтому основную массу туристов, которых привлекала поездка в Иран, составляли паломники.

Смена в постреволюционную эпоху доминанты общественных ценностей на религиозные привела к тому, что правительство приняло к исполнению исламские предписания о путешествиях и важности посещения могил шиитских имамов, и сделало основой своей политики по отношению к святым местам пророческие и алидские хадисы, повествующие о восстановлении усыпальниц шиитских имамов.

Аяты Корана, наподобие приводимого выше 3:137, обязывали исламское правительство создавать условия для воплощения их в жизнь через облегчение возможностей поездок, и наиболее эффективно это можно было реализовать в отношении паломнических путешествий.

После Исламской революции различные учреждения, в частности университеты, проводили политику поощрения, главным образом, в виде паломнических туров в Мешхед, в Мекку для совершения хаджа или к гробницам имамов. Избранные члены национальных сборных спортивных команд, преподаватели, студенты, служащие и рабочие награждались паломническими турами.

2. Проведение антизападной политики и принижение положительных сторон туризма. После Исламской революции в ряде отраслей власти проводили решительную антизападную политику, полностью отвергая нерелигиозный

¹ По данным ВТО, в 2000 г. общее число туристов в мире составило 698 млн чел. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/cuadro_e.doc. – Прим. ред.

туризм. Так, например, в марте 2006 г. в Берлине состоялась международная выставка, проводившаяся вот уже 40 лет, и в Германию съехались представители из 180 стран, чтобы обменяться новыми достижениями и наладить контакты в области торговли, культуры и туризма. Однако, несмотря на 35%-е увеличение числа представителей из арабских стран, а также первое в истории участие Афганистана, Ирана на этой выставке не было.

Кроме того, некоторые политики иногда снижали эффективность этой индустрии из-за недостаточного кредитования и реализации проектов, не прошедших должной экспертной оценки. А между тем, если ИРИ сумеет создать необходимую инфраструктуру и привлечь 12 млн туристов в год [Пиран 2011, 14], то доход от каждого туриста составит 200–500 долл., что в десятки раз дороже барреля нефти. Это позволило бы освободиться от тормозящей превращение ИРИ в региональную державу опоры на доходы от продажи нефти.

3. Стратегия на развитие городов и святых мест. Мемориальный комплекс имама Резы в Мешхеде (*Остон-е кодс-е Резави*) после Исламской революции превратился в один из лучших образцов городского развития в Иране: именно здесь проявился грандиозный размах технологического развития. В своем интервью главный инженер комплекса Голабчи говорил: «Система охлаждения и кондиционирования воздуха в усыпальнице Его Святости Резы спроектирована с учетом уровня потребления энергии, пониженного уровня загрязнения и ее уникального расположения в погребальном комплексе: используются двухступенчатые всасывающие охладители. Эти охладители способны с большой точностью поддерживать климат внутри помещения даже при расхождении с внешней температурой на 20%» [Голабчи 2007].

Положительное влияние паломнических поездок на взаимоотношения Ирана с обновленным Ираком

Взаимные паломнические поездки создали для интеграционной региональной политики Ирана и, в частности, для

его отношений с обновленным Ираком целую палитру политических направлений.

1. Превращение границ войны в границы мира

После окончания восьмилетней Ирано-иракской войны, оставшейся в памяти как одна из самых продолжительных войн XX столетия, а особенно после падения тоталитарного режима Саддама [Арендт 2009, 168] граница между Ираном и Ираком превратилась в линию, через которую осуществляется взаимное движение паломников.

Если бы эта граница, навевающая воспоминания об Ирано-иракской войне и повсюду окропленная кровью лучших сынов нашей страны, не влекла к себе паломников к святым имамам, она воспринималась бы как мятежная полоса, столетиями засеваемая семенами ненависти. Однако, напротив, семьи погибших героев с глубокой скорбью спешат посетить могилы непорочных имамов, дабы под светлой сенью, приносящей успокоение, рассказать этим святым о своих невыразимых мучениях, о приглушенной боли и бесконечной печали утраты своих близких, о сострадании к инвалидам войны, а воспоминаниями об увлекательном путешествии и лицезрении святых мест заместить пробуждающие ненависть воспоминания о войне.

Если бы не любовь шиитов Ирана к посещению могил имамов и не их готовность терпеть все тяготы путешествия, ИРИ сталкивалась бы с огромными трудностями в установлении регулярных отношений с Ираком: чтобы притушить ненависть, вызванную войной, потребовались бы годы, и из-за этого иранские лидеры оказались бы перед лицом серьезных проблем на региональном уровне.

Таким образом, одной из функций паломнических поездок для Ирана и Ирака является превращение политической границы войны и конфликтов в границу культуры, мира и духовности. Особенно это относится к периоду после падения Саддама, когда Ирак из стратегического врага [Барзегар 2007, 55] перешел в разряд региональных партнеров Ирана. Только в 2010 г. ежедневно около 2 тыс. иранских и ирак-

ских паломников отправлялись к могилам имамов в Ираке и гробницам имама Резы и Ма'сумы¹ в Иране.

Исследователи влияния религии на идентичность считают, что религия и религиозные ценности, в частности паломнические поездки, способны содействовать установлению мира. В правильности этой точки зрения можно убедиться на примере влияния паломнических поездок на снижение напряженности и укрепление миролюбивых настроений в ирано-иракских отношениях.

2. Закрепление взаимоотношений и табу на возрождение прежних разногласий

После Исламской революции Иран и Ирак прошли через эпоху напряженных отношений, завершившуюся длительной войной [Марр 2001, 452]. Однако паломнические поездки к святым местам шиизма в обеих странах не позволили политическим разногласиям проявиться во всей полноте: традиционные политические конфликты сглаживались стремлением к сотрудничеству по налаживанию паломничества. Именно благодаря паломническому туризму, напряженные политические отношения между двумя странами, вопреки существующей международной диспозиции, не привели к полному разрыву отношений. Нечто подобное было и на Кубе. Когда отношения этой страны с Западом стали напряженными и контакты были крайне ограничены, туризм наряду с рыболовством и научно-техническим сотрудничеством считались исключением [Мохтари 2007, 71]. Даже революционер Фидель Кастро, несмотря на отвращение к безнравственным, по его мнению, туристам, был вынужден, гибко реагируя на трудности в экономике, открыть туристам двери в страну.

Две мусульманские страны, Иран и Ирак, движимые целью наладить регулярные паломнические поездки, взялись за строительство промежуточных туристических комплексов

¹ Имеется в виду Фатима (ум. 816 г.), дочь седьмого шиитского имама Мусы ал-Казима и сестра восьмого шиитского имама 'Али ар-Резы (ум. 818 г.), усыпальница которой находится в Куме (религиозном центре Ирана, расположенном примерно в 120 км к югу от Тегерана). – *Прим. перев.*

и мечетей (например, мечети «Путь в Кербелу» в г. Бонаб), расположенных на магистралях, связывающих между собой города Ирака: ежегодно через них проходит множество иранских паломников и шиитов из соседних стран. Учреждения, ориентированные на религиозный туризм, например, «Центральное бюро услуг»¹ (*Шеркят-е маркязи-йе хадаMAT*), а также специализированные институты, наподобие «Штаба по восстановлению гробниц шиитских имамов в Ираке» (*Сетад-е базсази-йе 'атабат-е 'алийат*), создали отделения в других странах [Ахмади 2011, 187]. Кроме того, в целях налаживания сотрудничества официальными лицами обоих государств было проведено множество конференций.

Помимо этого, в апреле 2009 г. страны договорились о создании «Объединенного профессионального комитета по туризму» (*Комите-йе моштарак-е фанни-йе гярдешигяри*), а также предприняли попытку навести порядок на кладбище «Вади ас-салам» («Долина мира»). В ноябре 2009 г. в Иран прибыли казначеи усыпальницы имама 'Али, Маджид аль-Хатиб и Салам Касим Мухаммад, чтобы обсудить вопросы охраны и восстановления исторических памятников, находящихся в усыпальницах имамов, похороненных в Ираке. Все это указывает на волю ИРИ и обновленного Ирака инвестировать в туристическую сферу как объединяющий стержень двусторонних отношений.

Диалог о налаживании паломнических поездок как механизма укрепления взаимоотношений стал принципом дипломатических связей между Ираном и обновленным Ираком. Например, на заседании глав государств, членов Движения неприсоединения, Хушйар Зибари и Хасан Данаифар изучили пути укрепления двусторонних отношений, в том числе вопрос о предоставлении виз паломникам обеих стран², и подписали об этом меморандум о взаимопонима-

¹ Полное название организации – «Центральная паломническая служба Ирана» (*Шеркят-е маркязи-йе дафатер-е хадаMAT-е зийарати-йе сарасар-е Иран*, ШАМСА). – Прим. перев.

² *Э'темад. Чахаршамбе* 18 мордад 1391 / 19 рамазан 1433, с. 3.

нии. В результате в 2011 г. Иран отправил к гробницам шиитских имамов в Ираке 1,5 млн паломников¹.

Взаимодействие по делам паломников породило сотрудничество в ряде смежных областей: например, в августе 2009 г. было заключено двустороннее соглашение о противодействии контрабанде культурных и исторических ценностей [ал-Хаффаф 2013, 108], достигнута договоренность о возвращении вывезенных контрабандным путем предметов, созданы свободные торговые и промышленные зоны, в мае 2010 г. в иракском городе Сулеймания была проведена выставка народных ремесел и туризма Ирана, стало уделяться внимание развитию приграничных городов. Страны выдвинули предложение о создании программ на арабском языке, посвященных достопримечательностям остана (губернаторства) Илам², а также о сотрудничестве в области лечебного туризма через Центр хирургии им. 15-го Ша'бана³.

Таким образом, одной из функций паломнических поездок является создание предпосылок для регионального взаимопонимания, особенно между Ираном и Ираком, несмотря на существовавшие в прошлом политическое напряжение.

3. Опора на политику мягкой силы в Ираке

Использование в политической структуре мягкой силы привело к снижению затрат – этот подход пропагандируется, главным образом, учеными и политиками-моралистами [Имам-задефар 2010, 42]. Характеризуя эту новую силу, Джозеф Най⁴ говорит: «Мягкая сила – это способность формировать предпочтения других через убеждение, а не путем

¹ См.: www.isna.ir/fa/news/jhvdonsjvsd22/5/1391.

² На западе остан Илам граничит с Ираком. – *Прим. перев.*

³ Центр расположен в г. Керман. 15 ша'бана (8 месяц мусульманского календаря) шииты празднуют день рождения 12-го имама – имама Махди (род. в 869 или 870 г.). – *Прим. перев.*

⁴ Видимо, Джозеф Най-младший – очень влиятельный американский политолог, заслуженный профессор факультета госуправления Гарвардского университета. В рамках неолиберальной теории разрабатывал для американской политики понятие «мягкой силы». См., например: Най Дж. Как «резкая» сила угрожает мягкой силе // *Россия в глобальной политике*, 29.01.2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-rezkaya-sila-ugrozhayet-myagkoj-sile>. – *Прим. ред.*

принуждения. Эта сила такова, что во многих случаях жесткая сила не способна выполнить ее работу» [Nye 1990, 26]. По мнению Ная, источником мягкой силы служит привлекательность культуры, идеологии и международных институтов [Най 2006, 134]. Автор настоящего исследования убежден, что одной из привлекательных культурных черт Ирана является построение политики, например, в отношении туризма, именно на религиозно-культурной основе, поскольку в изменяющейся международно-политической обстановке малозаметное воздействие мягкой силы приобретают все возрастающее значение.

Исходя из определения Джозефа Ная, Иран обладает способностью формировать приоритеты Ирака – особенно это касается возможности воздействия на иракских шиитов [Nasr 2004, 22]. По признанию западной прессы, Иран обладает духовным влиянием в регионе, поскольку ему удалось заставить соседние страны поверить в его способность противостоять Западу в поднимаемой им волне критики и угроз¹. Иран, в том числе через сотрудничество по делам шиитских паломников бесспорно обладает возможностью воздействовать на процесс выработки Ираком стратегических решений.

Автору этих строк самому приходилось наблюдать в ходе своего паломничества к усыпальницам шиитских имамов в Ираке, совпавшего с выборами в иракский парламент, значительное сходство в методах пропаганды и в электоральном поведении иранцев и иракцев, особенно шиитов Ирака и иракских беженцев в Иране. Политический анализ и формулировки правящих стратегов Ирана вошли в политическую литературу Ирака. Это обстоятельство вполне может считаться показателем мягкой силы Ирана, придающей направление политической мысли иракцев.

Кроме того, Иран может проводить политику мягкой силы через возвращающихся на родину иракцев, иракцев-членов Корпуса Бадра (*Сенах-е Бадр*), некоторые из которых работают в отделе международных связей погробального

¹ *Интернешнл ньюс*, 12 дей 1385.

комплекса имама Резы в Мешхеде, членов Партии исламского призыва (*Хизб ад-да'ва*), а также иракских туристов, совершающих паломнические поездки в Иран.

В ходе Ирано-иракской войны Саддам Хусейн выслал в Иран шиитов иранского происхождения [Акаджани, Каннад 2009, 67]. В итоге Иран принял около 650 тыс. иракских беженцев (иранского происхождения, и в Иране они стали известны как *му'аведан*, «возвращенцы»), к которым шиитское сообщество остального исламского мира отнеслось настолько радушно, что это сохранилось в памяти тех иракцев, когда они вернулись на родину после падения режима Саддама. Таким образом, Иран способен добиваться своих целей в Ираке с помощью убеждения, не прибегая к «жесткой силе».

Ввиду значительной культурной и экономической бедности иракцев (уровень инфляции в Ираке к концу 2005 г. достиг 40%, а к концу 2006 г. – 50% [Курбани 1999, 45]), доходы от притока в обновленный Ирак иранских туристов послужат увеличению веса шиитского населения Ирака, а также создадут возможности для реализации влияния Ирана на процесс принятия политических решений в Ираке.

Директор Организации по делам хаджа и паломничеств 'Али Лийали пояснил, что благодаря туристическому трафику из Ирана иракский народ получит социальные дивиденды. Это подтвердил и министр туризма Ирака: по его мнению, консультации по налаживанию регулярных паломнических поездок, несмотря на все трудности, будут способствовать укреплению отношений между двумя странами¹.

Благодаря паломническим поездкам ИРИ способна одержать верх над конкурентами, в частности Турцией и Саудовской Аравией, а создав, в конечном итоге, коалицию с Ираком, оказывать политическое и экономическое влияние на эту страну. В этой конкурентной борьбе Иран обладает исключительным положением, поскольку для развития и укрепления культурных связей он опирается на своих паломников.

¹ См.: www.isna.ir/fa/news/jhvdonsjvsd22/5/1391.

Влияние паломнических поездок на культуру Ирана и обновленного Ирака

Прежде всего, необходимо заметить, что в силу признания духовной сущности паломничества, соединения религии и политики и идеологически окрашенному мировоззрению иранских политиков, в ИРИ имеет место своеобразное смешение политических и культурных следствий паломнических поездок, и полного разделения между ними не существует.

Во-первых, следуя логике исламско-революционной идентичности, в своей внешней политике Иран поставил перед собой две задачи религиозного характера – «создание единой исламской общины» и «защита освободительных движений и экспорт исламской революции по всему миру» [Дехкани 2009, 135]. Эти религиозные формулировки вошли в преамбулу к Конституции ИРИ в качестве юридических норм. Так, согласно ст. 154 Конституции, политика ИРИ всецело осуществляет цель объединения с мусульманскими народами всего мира (в том числе соседними), а также защиты всех угнетенных.

Призыв, говорящий об универсальности ислама и считающий, что эта религия была ниспослана всему человечеству, а не только верующим-мусульманам, поставил иранскую революцию перед необходимостью использовать свой религиозный энтузиазм для распространения ислама по всему миру. Обязательность воплощения Исламской революцией в Иране идеала единой исламской уммы [Halliday 1999, 124] со всей очевидностью выражается в политике экспорта революции в мусульманские страны и в тезисе имама Хомейни о защите всех мусульман.

Во-вторых, речь идет о переосмыслении религиозной идентичности и использовании космополитической составляющей. Ведь паломнический туризм облегчает ответ на вопрос «кто ты и что ты?», составляющий один из столпов на пути самоосознания. В развивающихся странах, которым угрожает кризис идентичности, этот фактор может выполнять функцию ее формирования.

Когда иракские шииты видят иранских паломников, которые так же молятся и совершают те же паломнические обряды, они охотнее сотрудничают с иранцами, идентичность которых согласуется с их собственной. Иными словами, условия утверждения Ирана как «матери селений»¹, возникают также благодаря паломнической активности [Ва'ез 2011, Т. 2, 371].

Кроме того, усилия Ирана по восстановлению мест паломничества, находящихся в Ираке и других мусульманских странах, мест, напоминающих о былом величии исламского мира и его возрождении, создает новые возможности для сотрудничества этих соседних стран в области культуры.

Архитектура, изразцы, зеркальная отделка, купола, минареты и крытые галереи иракских мечетей испытали на себе влияние, главным образом, иранского искусства. Единство архитектурных форм усыпальниц Ирака со святыми местами Ирана способствует тому, что иранский паломник в святых местах Ирака не чувствует себя чужим, несмотря на разделенность политическими границами. Происходит своего рода отождествление. Тем самым, в таких местах иранская, иракская, тюркская или курдская идентичность индивидуума оказывается вторичной, и для реализации своих региональных задач в раздробленном ближневосточном регионе ИРИ нуждается именно в такой интерпретации понятия «идентичность» [Ва'ез 2007, 121].

¹ «Теория матери селений» (*назарийе-йе умм аль-кура*) была выдвинута известным иранским политическим деятелем Джавадом Лариджани (род. 1951 г.) в 1984 г. Теория проецирует эпитет «матери селений» (*умм аль-кура*) в сферу международных отношений, закрепляя его за мусульманской страной, играющей ведущую роль в исламском мире. По мнению автора теории, после Исламской революции таким государством стал Иран, поэтому помимо своих национальных интересов он должен заботиться об интересах всего исламского мира, который, в свою очередь, должен оказывать ему всяческое содействие. Арабские страны Персидского залива восприняли эту теорию как враждебное проявление экспансионистской политики Ирана (см., например: аль-Халифа, Хамид. Назарийа Умм аль-кура аль-иранийа ва-т-тарик иля Макка ва-ль-Манама ва махатируха 'аля дуваль аль-Халидж аль-'араби (Иранская теория матери селений и путь в Мекку и Манаму: риски для стран Арабского залива) // *Ar-Paced*, № 115, 12.11.2012. URL: http://www.alrased.net/main/articles.aspx?selected_article_no=5942). – Прим. перев.

Во время паломничества к святым местам представители разных стран, несмотря на значительные политические разногласия, демонстрируют одинаковую модель религиозного поведения в силу культурного сходства. Общие религиозная литература, модель поведения и паломническая культура обладают космополитическим эффектом, который полностью соответствует интернациональной политике Ирана, стремящегося создать в регионе исламский полюс силы в форме Исламского ближневосточного союза [Vaez 2010, 5].

Религиозный туризм представляет собой одну из редких форм туризма, который осуществляется, несмотря на политические или климатические препятствия: примером тому является приуроченный к дню *'ашуры* переход нескольких сотен тысяч иранских и иракских паломников из Наджафа в Кербелу во время нередких февральских холодов (например в 2013 г.). Миллионы мусульманских паломников в Мекке, миллионы христианских паломников в Ватикане, миллионы шиитов, собирающихся в Кербеле в 10-й день месяца мухаррама, – наиболее яркие примеры святых мест, привлекающих к себе паломников со всего мира. Особенности паломнических путешествий обеспечивают стремление к космополитизму, являющемуся неотъемлемой частью интернациональной политики ИРИ.

Одним из эффектов паломнического туризма является стирание расстояний и затушевывание множества вторичных идентичностей в ходе исполнения особых паломнических обрядов. Так, араб и иранец, богач и бедняк, оставив все различия, совершают паломничество рядом друг с другом. Иными словами, это тот самый формат, в котором нуждается Иран для создания единой мусульманской общины на Ближнем Востоке. Например, иранские и иракские паломники, заполнившие пространство между усыпальницами имама Хусейна и 'Аббаса ибн 'Али (*байн аль-харамейн*) в Ираке, в дни *'ашуры* вместе скорбят по имаму Хусейну под звуки элегий Назара Катари¹. В этот момент их национальные иран-

¹ Назар Катари (Назар Фазлулла Равани, род. 1971 г.) – известный современный панегрист шиитских имамов. Завершил образование в Катаре. В совер-

ская и иракская идентичности вытесняются общей шиитской идентичностью и ощущением конфессионального единства.

Влияние религиозного туризма на социально-экономическую составляющую ирано-иракских отношений

Паломнические поездки оказывают влияние на политику Ирана и отношения ИРИ с изменившимся постсаддамовским Ираком еще, как минимум, в двух аспектах.

1. *Духовный настрой паломников способствует созданию атмосферы мира и сдерживанию насилия.* В святых местах паломников охватывает духовный трепет, вызванный их прошениями о всевозможных благах для себя и для других, и это духовное состояние несовместимо с агрессией. Преодоление в молитве индивидуализма способно породить коллективизм и чувство единения с другими в едином стремлении к шиитскому правлению на Ближнем Востоке.

Содержание молитв, произносимых паломником-мусульманином, обладает измерением, порождающим идентичность. Так, например, когда паломник говорит: «Ты – мой Бог, предводитель и господин! Прости друзей наших, отврати от нас врагов наших и не позволяй им мучить нас!» (*Зийарат Аминулла*¹), он просит не только за себя, но за всех вместе. Это создает в его разуме своеобразное соединение его собственных желаний с чаяниями всех мусульман.

Свои возвышенные желания и веру паломник находит, в частности, в *Зийарат-е джаме'е-йе кабире*², способном породить лишь чистый и незамутненный дух.

Паломнику свойственны толерантность, неконфликтность, миролюбие и стремление к укреплению мирных взаимоотношений, поэтому в долгосрочной перспективе вслед-

шенстве владеет арабским, персидским, английским и урду. В настоящее время живет в Кувейте (<http://www.shia-news.com/fa/news/2524>). – Прим. перев.

¹ Молитвенное обращение четвертого шиитского имама Зайн аль-'Абедина (ум. 713 г.) во время его посещения могилы имама 'Али. – Прим. перев.

² Молитвенное обращение, составленное десятым шиитским имамом 'Али ан-Наки (ум. 868 г.). Предназначено для произнесения на могиле любого шиитского имама. – Прим. перев.

ствии качественного и количественного роста паломнических путешествий чиновники двух шиитских государств, Ирана и Ирака, отвечающие за культурную политику, не смогут игнорировать нужды и чаяния этой значительной части своих сограждан.

Паломничество к могилам непорочных имамов связано с целым рядом духовных обычаев и верований. Это, например, традиция давать обеты [Амин ад-Доуле 1991, 26], стремление приблизиться к Богу [Кербелаи Карнатаки 2007, 39], надежда заслужить награду Всевышнего, припадание больных к стальным оградкам могил имамов, оставление возле последних записок с прошениями, благословение покойного вблизи усыпальниц непорочных имамов, волонтерское служение в священных местах, а также проживание вблизи святых мест [Алавийе Кермани 2007, 93]. Все это оказывает благотворное воздействие на душу паломника, снижая проявления политической ненависти.

Религиозные паломники являются наиболее спокойными и миролюбивыми, и по части проявления агрессии они занимают самые нижние строчки статистики. Иранские паломники, будучи обладателями высокой культуры [Накибзаде 2013, 7], способны сыграть роль посланников мира и безопасности в местах паломничества, особенно в Ираке, охваченном волной терроризма [Nasr 2004, 8], похищения людей и бомбардировок [Валадани 2008, 86], они могут посеять семена духовности и в перспективе способствовать установлению мира в регионе.

Регулярный характер таких путешествий поможет установить согласие между народами двух стран, а совместная деятельность по учреждению досуговых центров для паломников в Ираке будет способствовать укреплению взаимных симпатий и дружбы.

2. Участие Ирана в восстановлении Ирака: приоритет отдается воссозданию гробниц шиитских имамов. Восстановление страны в постсаддамовский период входит в число насущных потребностей обеспечения безопасности иракского шиитского государства и требует огромных материальных

ресурсов. Еще в 2004 г. на восстановление Ирака требовалось, по разным оценкам, от 50 до 100 млрд долл. Это означало необходимость участия международного капитала. С января 2004 до конца июля 2008 г. на восстановление Ирака было потрачено 118 млрд долл., 50,46 млрд из которых приходилось на долю США [Хосрови 2011, 39].

В 2003 г. в Мадриде состоялась конференция «Помощь в восстановлении Ирака», в которой приняли участие 73 страны и 20 международных организаций [Курбани 2008, 191] и где каждая страна представила свои пути оказания помощи. Страны региона высказались либо за предоставление займов (например, Кувейт), либо за значительные финансовые субсидии (например, Катар и ОАЭ). ИРИ помимо технической поддержки основные свои усилия сосредоточила на восстановлении гробниц шиитских имамов.

За предшествующие годы многие места паломничества в Ираке обветшали. Невнимание к требованиям иракских шиитов по сохранению культурных памятников в эпоху Саддама Хусейна мешало осуществлению планов по восстановлению и развитию святых мест шиизма. Однако с падением режима Хусейна и пересмотром прежней политики эти требования вошли в число приоритетных направлений деятельности нового государства. Но беспомощная экономика Ирака [Йазданфам 2011, 260] не могла обеспечить необходимый бюджет, и Иран, движимый желанием извлечь из этого опыта духовную и материальную пользу, а также активно инкорпорироваться в региональную кооперацию, выразил самое серьезное намерение принять участие в восстановлении Ирака [Айати 2010, 144].

В частности, в знак своего доброго отношения к многочисленному шиитскому сообществу Ирака Иран предоставил в распоряжение этой обновленной страны свой драгоценный опыт управления погребальным комплексом имама Резы как одного из крупнейших паломнических комплексов в мире. Подобная политика не только позволяет создать дополнительные рабочие места для иранцев, но, благодаря предостав-

лению Ираку технологических мощностей, выводит Иран на уровень лидирующей региональной силы.

Одним из примеров участия Ирана в восстановлении гробниц шиитских имамов в Ираке, примеров единодушия с иракскими религиозными лидерами, облегчающего условия паломнических поездок, служит отправка в Наджаф в 2010 г. по приглашению иракского правительства пяти специалистов для оценки условий реставрации исторических артефактов, хранящихся в погребальном комплексе имама 'Али¹.

Среди других актов помощи Ираку можно назвать: выполненная иранскими мастерами чеканка по меди и серебру в усыпальнице имама Хусейна [в Кербеле], отделка камнем внутренних помещений усыпальниц имама Хусейна и Абу-л-Фазля, затратная операция по золочению куполов имама Джавада и имама Мусы Казима², восстановление главной конструкции погребального комплекса 'Аскар-ийайн³ в Самарре и оформление ее внутреннего убранства⁴, реставрация позолоченных дверей портала Врата киблы в погребальном комплексе имама Хусейна, а также открытие отреставрированных минаретов погребального комплекса Абу-л-Фазля, состоявшееся в 2010 г. при участии представителей ИРИ, Сирии, Саудовской Аравии, Бахрейна, Кувейта, Пакистана и Ливана. И хотя в тексте сообщения об этих мероприятиях сказано только об использовании 108 кг золота и бюджете в более чем 4 млн долл. на проектирование и создание в священных местах Ирака позолоты на основе, соору-

¹ *Ахбар-е ши'ийан* VI, 54 [2010], с. 22.

² Находятся в погребальном комплексе в г. Казимийа (Казимийан), примерно в 5 км от Багдада. Имам Муса аль-Казим (ум. 799 г.) – седьмой шиитский имам, имам Джавад (ум. 835 г.) – девятый шиитский имам Мухаммад аль-Джавад ибн 'Али ар-Реза, внук Мусы аль-Казима. – *Прим. перев.*

³ Имеется в виду купол усыпальницы, в которой похоронены десятый и одиннадцатый шиитские имамы – 'Али ибн Мухаммад ибн 'Али аль-Хади (ум. 868 г.) и Хасан ибн 'Али ибн Мухаммад аль-'Аскари (ум. 874 г.). – *Прим. перев.*

⁴ *Ахбар-е ши'ийан* VI, 56 [2010], с. 32.

женной из 5 тыс. кирпичей¹, и нет ни малейшего упоминания об ИРИ, факты могут подтвердить широкое участие Ирана в этом проекте, реализовать который было не под силу слабому иракскому государству.

Иран был пионером передачи Ираку опыта по приему миллионов паломников и налаживанию сопутствующей инфраструктуры услуг². Организация красного полумесяца создала в Кербеле и Наджафе две хорошо оснащенные больницы. В рамках развития паломнического сервиса на пути между двумя странами были заключены соглашения о предоставлении палаток для паломников, а также об установке по особым случаям кондиционеров в палатках, расположенных между Кербелой и Наджафом.

К числу крайне изношенных объектов инфраструктуры Ирака относятся пограничные пункты и пути сообщения. Восстановить большинство разрушенных дорог и дорожной инфраструктуры страны пока не представляется возможным. Кроме того, минирование нефтепроводов, масштабная контрабанда и торговля людьми показывает, что новое иракское правительство не обладает должной компетенцией для эффективного контроля за границами [Джонс 2009, 154]. Новому правительству Ирака необходимо также принять меры для контроля населения, в частности ввести паспорта, визы, лицензирование ношения оружия, а также досмотр граждан.

Согласно упомянутой теории Д. Митрани, правительство обновленного Ирака, не обладающее богатым опытом государственного управления по причине долгих лет политической изоляции, нуждается в техническом сотрудничестве с ИРИ в области организации и стратегического планирования паломнических поездок, а также услуг, предоставляемых до и после них. То же самое обстоятельство оказывает влияние на политику двух стран, а также способствует развитию отношений между ними в долгосрочной перспективе. Растущий с каждым днем запрос шиитских паломников

¹ *Ахбар-е ши'ийан* VI, 55 [2010], с. 28.

² См.: URL: <http://www.atabat.org>.

на посещение святых мест Ирака вынудил новое правительство этой страны уделять внимание соответствующей инфраструктуре для того, чтобы сделать паломнические поездки более доступными. Таким образом, любые усилия Ирака, направленные на восстановление границ, могут создать для Ирана прекрасные возможности в контексте его региональной политики. Иран способен обеспечить безопасность передвижения иранских паломников вкупе с укреплением связей между двумя странами, а также прекратить волнения в соседней стране и создать мирную и безопасную атмосферу для формирования на Ближнем Востоке желанного для ИРИ Исламского союза. Поэтому любой совместный с Ираком шаг в данном направлении считается шагом вперед в рамках реализации иранской политики добрососедства.

Растущее стремление иранцев совершать паломнические поездки в Ирак обладает и экономическим эффектом: именно этот тип сотрудничества и его распространение на остальные сферы экономического взаимодействия оказывает влияние на политику добрососедских отношений между двумя странами. Можно выделить следующие перспективные области капиталовложений ИРИ в постсаддамовском Ираке: восстановление и строительство электростанций, сетей транспортировки водных ресурсов, нефтеперерабатывающих, нефтехимических и цементных заводов [Барзегар 2007, 96]. Иран отчасти воспользовался этой возможностью для укрепления своего влияния в Ираке, создания предпосылок для повышения своей региональной мощи и улучшения отношений с этой страной, однако главные усилия в данном направлении он направил на инвестирование в религиозную туристическую индустрию.

Ежегодные мировые расходы на туризм превышают 2 трлн долл. Во многих странах туристическая индустрия оказалась главным источником рабочих мест: по всему миру в ней заняты более 100 млн человек [Садик Зера'ати 2009, 54]. При этом Европа и США занимают в этой области первое и второе места соответственно, а на Ближнем Востоке в силу военно-политических препятствий этот показатель колеблется

между 1,5 и 2%. Основным типом туризма в исламских странах региона является чистый туризм.

Инвестиционный потенциал Ирана в религиозной туристической индустрии Ирака

Паломнические поездки за пределы государственных границ страны предполагают стратегическое планирование со стороны внутренних институтов ИРИ. Влияние этого рода поездок отчасти зависит от грамотного планирования: тогда, в конечном итоге, они приведут к улучшению и укреплению отношений между двумя странами. Представляется, что важнейшим следствием капиталовложений Ирана в религиозную туристическую индустрию станет диверсификация источников дохода с уменьшением доли нефтяных доходов.

Это объясняется тем, что значительная часть населения городов, являющихся объектами паломничества, получает косвенно свой доход от религиозного туризма на территориях обеих стран. Поэтому общие усилия, направленные на улучшение качества паломнических путешествий, окажут положительное влияние на ирано-иракские отношения.

В любом случае, от религиозного туризма напрямую зависит экономическая состоятельность перечисляемых ниже организаций и производительных сил в обеих шиитских странах:

- инженеры, архитекторы, технический персонал и мастера, занятые в строительстве, расширении или реставрации усыпальниц, находящихся в обеих странах;
- поставщики транспортных и сервисных услуг в городах, являющихся объектами паломничества, а также по пути следования к ним, например, владельцы и персонал отелей, хостелов, гостиниц для паломников и т. п.;
- типографии, издатели религиозной литературы, исполнители религиозных панегириков и элегий, продавцы молитвенников, а также книг, посвященных паломническим обычаям;
- шиитские организации социально-культурной сферы: например, Управление по исламским связям и делам

паломников-не-иранцев (*Эдаре-йе эртебатат-е эслами ва омур-е заэран-е гейр-е ирани*), Всемирная ассамблея Людей дома (*Маджма'-йе джахани-йе ахл аль-байт*);

– бюро путешествий, авиакомпании, автобусные компании, железнодорожные пассажирские компании, а также все, кто задействован в подготовке паломников к путешествию и их перевозке;

– хранители музеев, выставок, исторических и культурных достопримечательностей, а также владельцы мест развлечений;

– управляющие вакуфными территориями и заведующие делами живущих при святых местах;

– предприятия общественного питания, магазины, торговые центры и их владельцы на всем пути следования паломников.

Еще одной целью религиозного путешественника является посещение рынка и приобретение продукции местного кустарного производства [Мохаммади 2008, 36]. Покупка сувениров, связанных с именем религиозных центров, например, молитвенных ковриков и печатей, чётков, колец, тканей и даже саванов, считается неотъемлемой частью религиозного путешествия: практически все паломники, посещающие Кербелу и Наджаф, стараются купить саван и освятить его на могиле имамов. Помимо этого, некоторые иранские паломники, верящие в благодатность сувениров из священных городов, стараются покупать самые разнообразные товары, даже совершенно ненужные, например, арабские чадры, сумочки и обувь. Кто станет отрицать, что это выгодно иракским лавочникам?! Во всяком случае, если даже столь незначительное экономическое сотрудничество может создать предпосылки для широких устойчивых экономических связей между двумя государствами с их серьезным потенциалом, то это может считаться положительным воздействием паломнических поездок на двусторонние отношения.

Помимо упомянутых плюсов, религиозный туризм будет способствовать экономическому процветанию городов западных областей нашей страны, в которых находятся

пограничные пункты. Он привлечет инвесторов в ослабленную промышленность, положит начало иракскому туризму и, благодаря радушному приему туристов, создаст предпосылки для улучшения положения Ирана в мировом рейтинге туристической индустрии.

Туристическая отрасль нуждается в воспитании специалистов, обладающих опытом в экономической сфере, имеющих образование в области туроператорской деятельности и, что особенно важно, обладающих способностью налаживать связи с центрами иранской культуры за пределами страны [Пиран 2011, 49].

Значение доходов от туризма для восстановления и укрепления разрушенной иракской экономики и государства [Симпсон 2009, 162] можно понять, изучив плачевное положение Ирака в годы до и после недальновидного нападения Саддама на Кувейт 2 августа 1990 г., вследствие которого СБ ООН единогласно ввел санкции против этой страны, ограничив внешнюю торговлю Ирака и заморозив его зарубежные активы [Мэнсфилд 2009, 383]. Силы международной коалиции во главе с США полностью уничтожили тогда военную мощь Ирака вкупе с экономической инфраструктурой [Хаджжи Йусефи 2008, 171], фактически поставив иракский народ в катастрофическое положение. В подобных условиях появление даже одной группы туристов из Ирана могло дать надежду разрушенной иракской экономике. После падения Саддама ослабление экономической и гражданской инфраструктуры, усугубившееся терроризмом и нестабильностью [Ehteshami 2003, 115], привело к нарушению порядка в стране.

По данным Всемирной организации по туризму, к 2020 г. предполагалось увеличение числа туристов по всему миру до 5,1 млрд человек. При этом Европа привлекает наибольшее число туристов, в то время как Ближний Восток, в частности Иран и Ирак, не просто сильно отстают, но показывают отрицательный рост туризма. В 1990 г. Иран потратил на поездки за пределы страны около 340 тыс. долл., а в 2003 г. эта цифра достигла уже 190,4 млрд долл., то есть увеличилась примерно в 12 раз. Между тем, туристический экспорт Ирана

шел отстающими темпами: так, валютный доход, полученный по данной статье, составил около полумиллиона долл., а дефицит туристической сферы страны составляет около 5,3 млрд долл. [Ранджбарийан 2005, 48].

Что касается туристической сферы в Ираке, то, начиная с 2003 г., несмотря на членство во Всемирной организации по туризму [Курбани 2008, 36] и огромную туристическую привлекательность (например, развалины древних городов Вавилон и Ур, зиккураты, достопримечательности эпохи Лахмидов, Сарсинг и озеро Дукан в Иракском Курдестане), она практически бездействовала. Однако с 2005 г. турбюро снова начали свою работу [Курбани 2008, 49], и ежедневное прибытие к усыпальницам шиитских имамов 2,5 тыс. иранских паломников стало одной из статей дохода Ирака от туризма¹.

Еще одним эффектом паломнических поездок является создание условий иных форм туризма, например, «лечебного туризма» [ал-Хаффаф 2012, 17], «геотуризма» и «экотуризма». Так, шиитские паломники (иранцы, иракцы, бахрейнцы), приезжающие в Мешхед, неизменно посещают загородные районы, в частности Шандиз, Таракабе, Ходже Раби и Кух-е санги. Это не только создает дополнительные рабочие места, но и способствует положительной динамике туризма в Иране. Иракские туроператоры могут повторить тот же самый опыт по отношению к иранским туристическим группам в Ираке с его разнообразными достопримечательностями. Однако мы оставляем в стороне паломнические путешествия иракских шиитов в Иран, которые, безусловно, в корне отличаются от паломничества иранских шиитов в Ирак и рассматривает влияние на взаимоотношения двух стран поездок иранских паломников к гробницам шиитских имамов.

Еще одним косвенным воздействием религиозного туризма на ирано-иракские отношения можно считать заключенные обеими странами соглашения о создании свободных торговых и промышленных зон, а также общих границ (февраль 2009 г.). Эти границы могут не только обеспечить обмен паломниками, но стать важными транзитными

¹ *Хабаргозари-йе Фарс*, 2.07.1386.

пунктами и способствовать укреплению и расширению экономических отношений между двумя странами.

Заключение

ИРИ строит свою стратегию на основе регионализма, стремясь к формированию Ближневосточного исламского союза. ИРИ старается создать атмосферу доверия и предстать в образе заслуживающей уважение державы. Для реализации этих политических планов используется религиозный туризм в качестве инструмента культурной тактики.

Исследование показало, что паломнические поездки оказывают следующее политическое, культурное, социальное и экономическое влияние на Ирак, а также на расширение и укрепление ирано-иракских отношений:

- превращение границ войны в границы мира;
- отказ от возрождения прежних исторических разногласий;
- создание базиса для проведения Ираном в Ираке политики мягкой силы;
- создание предпосылок для конвергенции и реализации универсального идеала о формировании единой мусульманской общины, а также для переосмысления понятия «исламская идентичность» и использования космополитической функции духовных путешествий;
- влияние духовного настроения паломников на распространение ненасилия и установление мира в регионе;
- участие ИРИ во всемирном проекте по восстановлению Ирака с акцентом на воссоздание святых мест в Кербеле, Наджафе, Самарре и Казимайне;
- диверсификация источников дохода ИРИ через инвестиции в религиозную туристическую индустрию, снижение зависимости от нефтяных доходов и повышение рейтинга Ирана в развивающейся туристической индустрии.

Во время паломнических поездок происходит обмен культурными ценностями не только между иранскими и иракскими паломниками, но и между мусульманскими паломниками из других стран, прибывающими в эти святые

места. Религиозные туристы выступают в роли посланников мира: совершая паломнические обряды, они сеют семена согласия и духовности. В долгосрочной перспективе это будет способствовать распространению мира и предотвращению конфликтов. Кроме того, ИРИ учитывает и доходность туристической индустрии.

Проектирование культурной составляющей паломничества требует сотрудничества двух стран в вопросах оформления виз на новых условиях, автоматизации транзитного контроля и работы пограничных контрольно-пропускных пунктов, расширения паломнических маршрутов, современных, быстрых и надежных форм резервирования, развития сети транспортных услуг и гостиничного бизнеса. Взаимодействие Ирана и Ирака необходимо в рамках теории Д. Митрани о функциональном императиве к сотрудничеству. На основании опыта управления туристической индустрией Иран может на более высоком уровне войти в ядро ближневосточных лидеров в качестве одного из полюсов силы «системы власти», о которой говорит упоминавшийся выше Б. Бузан.

В последние годы Иран постарался воспользоваться возможностями религиозного туризма, возникшими в рамках отношений Ирана с обновленным Ираком, чтобы создать предпосылки для формирования единой мусульманской общины, в чем состоит один из устойчивых принципов внешней политики ИРИ. Ведь из всех жизненно важных семиотических маркеров туризм является единственным, выходящим за пределы политических границ страны, административного деления и сферы национального суверенитета, представляя символом культурной идентичности и взаимодействия. Поэтому инвестирование в религиозную туристическую индустрию интенсифицирует процесс космополитизации, являющийся обязательной предпосылкой для создания Ближневосточного исламского союза, и согласуется с задачами Ирана по усилению своей региональной мощи и снижению последствий глобализации.

Кроме того, поверяя результаты настоящего исследования с теорией Митрани, а также другими упомянутыми

теориями (особо выделяя теорию Д. Флемеса), формирующими теоретические рамки данной работы, можно сказать следующее. Иран обладает рядом важнейших предпосылок и условий для того, чтобы стать региональной державой. Так, ревизионистский подход Ирана к внешней политике после Исламской революции основывался на стремлении создать единую исламскую общину, что и было закреплено в Конституции, и это говорит о наличии первой предпосылки из теории Флемеса – актуализации претензий на лидерство. Что касается другого критерия Флемеса, то ИРИ намерена легитимизировать применение власти, и одним из путей обеспечения этого критерия считаются усилия Ирана по налаживанию паломнических поездок и укреплению святых мест шиизма в Ираке.

В связи с необходимостью соблюдения условия использования адекватного инструментария во внешней политике, помощь Ирана Ираку (в частности, создание условий для совершения паломничества и содействие в восстановлении гробниц шиитских имамов) обеспечивает еще одну предпосылку для превращения Ирана в региональную державу. Сами по себе паломнические путешествия являются подходящим способом для обеспечения влияния Ирана в Ираке, и в случае укрепления отношений с этой страной, ввиду значимого места Ирака в арабском мире, они послужат базисом для утверждения регионального влияния Ирана. Что касается последнего критерия Флемеса – признания лидирующей роли «третьими странами» на основе взаимопонимания и настойчивого убеждения региона в правильности своей региональной стратегии, – можно отметить, что свой обширный опыт налаживания паломнических поездок Иран может сделать базисом глубоких взаимоотношений с Ираком, строящихся на основе взаимного согласия.

На самом деле страны Ближневосточного региона, в том числе Иран и Ирак, согласно теории Митрани, обречены на сотрудничество друг с другом ради снятия препятствий для туристов со всего мира путешествовать в страны Ближнего Востока. Волны нестабильности в Тунисе,

Египте, Ливии, Бахрейне, Сирии и Йемене, продолжающиеся с 2011 г., непрекращающиеся террористические акты в Ираке и Афганистане не вызывают у потенциальных туристов никакого желания ехать в эти страны. В результате в азиатской туриндустрии стран Ближнего Востока заняли гораздо менее значимые для мусульман направления, вроде Малайзии и Тайланда. Например, иранские туристы в Турции с удивлением и сожалением видят тысячи путешественников, приезжающих из Европы и Америки, чтобы не так уж далеко от границы с Ираном полюбоваться церковью-мечетью Айя София и тем самым способствовать процветанию не завязанной на энергоресурсы экономики Турции. При этом они высказывают опасения по поводу посещения Ирана и Ирака, обладающих уникальными достопримечательностями [Ли 1999, 35].

В качестве первого шага на пути преодоления этого общего препятствия страны Ближнего Востока могут навести порядок в сфере религиозного туризма. В основе его – тот род функционального императива, который имел в виду Митрани и который в последние годы вынуждает эти страны, в том числе Иран и обновленный Ирак, вместе искать выход из сложившейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Айати, 'Али-Реза. 'Арак канун-е та'сиргозар [Ирак как влиятельный центр]. Тегеран, 1389/2010.

Акаджани, Каннад. Эхрадж-е ираниан аз 'Арак [Депортация иранцев из Ирака]. Тегеран, 1384/2005.

'Алавийе Кермани, Хаджийе-ханум. Руз-наме-йе сафар-е хадж-е 'атабат-е 'алият ва дарбар-е насери [Дневник паломничества к высоким порогам и путешествие ко двору Насер <ад-Дина>] / Подг. к публ. Расула Джа'фарийана. Кум, 1386/2007.

Амин ад-Доуле, 'Али-хан. Воспоминания политического деятеля / Подг. к публ. Хафеза Фарманфармайана. Тегеран: Амир Кабир, 1370/1991.

Амирахмади, Хушанг. Иран ва Халидж-е фарс [Иран и Персидский залив] / Пер. на перс. яз. Джамшида Зангане // Маджму'е-йе макалат-е чехоромин семинар-е Халидж-е фарс. Тегеран, 1378/1999.

Арендт, Ханна. Тоталитаризм / Пер. на перс. яз. Мохсена Саласи Моджаррада. Тегеран: Салес, 1388/2009.

Ахмади, Сеййед Аббас. Иран, энкелаб-е эслами ва жиуполитик-е ши'е [Иран, исламская революция и геополитика шиизма]. Тегеран, 1390/2011.

Бакернежад, Сеййед. Мотале'е-йе тахлили ва татбики-йе сийасат-е хареджи-йе Джомхури-йе Эслами-йе Иран ба назарийе-йе сазеангари [Сравнительно-аналитическое исследование внешней политики ИРИ на базе теории конструктивизма] // 'Олум-е сийаси 49 (1389/2010).

Барзегар, Кейхан. Джайгах-е террурисм-е джадид дар мотали'ат-е Хавар-е мийане ва равабет-е бейн ал-мелал [Место современного терроризма в изучении Ближнего Востока и международных отношений] // Мотале'ат-е Хавар-е мийане XIII:4 (1385/2006), XIV:1 (1386/2007).

Бейлис Дж., Смит С. Джахани шодан-е сийасат: равабет-е бейн ал-мелал дар 'арсе-йе новин [Глобализация мировой политики: международные отношения на новой арене] / Пер. на перс. яз. Абул-Касема Рахчамани. Тегеран: Аббар-е мо'асер, 1383/2004.

Бжезинский, Збигнев. Энтехаб: солте йа рахбари [Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство] / Пер. на перс. яз. Амира Хосейна Ноурузи. Тегеран: Най, 1386/2007.

Бохрани, Мортеза; Хосейни, Малек. Форсатха-йе Иран бара-йе табдил бе кодрат-е бартар-е мантакеи [Потенциал Ирана для превращения в великую региональную державу] // Пажухешха-йе сийаси-йе джахан-е ислам 1391/2012.

Ва'эз, Нафисе. Та'амол-и бар 'элал ва 'авамел-е вагарайи-йе мийан-е кешварха-йе эслами-йе Хавар-е Мийане [Размышления о причинах и факторах дивергенции мусульманских стран Ближнего Востока] // Мотале'ат-е мийанфарханги II:4 (1386/2007).

Ва'эз, Нафисе. Форсатха-йе гярдешгяри-йе дини бар сийасат-е мантакеи-йе Иран аз 2001 та 2011 [Влияние религиозного туризма на региональную политику Ирана (2001–2011 гг.)]. Международная конференция «Религиозный туризм и развитие культуры паломничества». Т. 2. Машхад: Нохостин, 1390/2011.

Голабчи, Казем. Ме'мари-йе мо'асер ва тоусе'е-йе харим-е харам-е мотакхар-е хазрат-е Реза дар Машхад [Современная архитектура и расширение пречистой усыпальницы Его Святости Резы в Машхаде]. Личная беседа с автором статьи (1386/2007 г.).

Дехкани Фирузабади, Джалал. Сийасат-е хареджи-йе Джомхури-йе эслами-йе Иран [Внешняя политика ИРИ]. Тегеран: САМТ, 1388/2009.

Джонс С. Бар-карари-йе назм ва канун ба'д аз моназе'е [Установление порядка и закона после конфликта] / Пер. на перс. яз. 'Аскара Кахраманпура. Тегеран, 1388/2009.

Имам-задефар, Парвиз. Барраси-йе кодрат-е нарм дар сийасат [Мягкая сила в политике] // Мотале'ат-е сийаси 7 (1389/2010).

Йазданфам, Махмуд. Хавар-е мийане ва Джанг-е Иран ва 'Арак [Ближний Восток и Ирано-иракская война] / Сб. статей. Тегеран, 1388/2009.

Йа'куби, Абу-л-Касем. Гярдешгяри дар Кур'ан [Путешествие в Коране] // Фикх 14 (1376/1997).

Кербелаи Карнатаки Хенди, Хафез Мохаммад 'Абд ал-Хусейн. Тазкират ат-тарик фи маса'иб худжадж байт Аллах ал-'атик [Путевые заметки о бедствиях паломников к Дому Аллаха] / Подг. к публ. Расула Джа'фарийана. Кум, 1386/2007.

Курбани, 'Адель; Садик Мохаммади, Мир Фархад. Равабет-е эктесади-йе Иран ва 'Арак: чешмандазха ва форсатха [Экономические связи Ирана и Ирака: перспективы и возможности]. Тегеран: Тадбир-е эктесад, 1387/2008.

Ли, Джон. Гярдешгяри ва тоусе'е дар джахан-е севвом [Туризм и прогресс в странах третьего мира] / Пер. на перс. яз. 'Абд ар-Резы Рокн ад-Дини Эфтехари. Тегеран: Базаргани, 1378/1999.

Марр, Феб. Та'рих-е новин-е 'Арак [Новая история Ирака] / Пер. на перс. яз. Мохаммада 'Аббаспура. Тегеран: Остон-е кодс-е Резави, 1380/2001.

Маскле, Жан. Вахдат-е сийаси-йе Орупа [Политическое объединение Европы] / Пер. на перс. яз. Махмуда Сур-е Исафила. Тегеран, 1389/2010.

Моджтахед-заде, Пируз. Кешварха ва марзха дар мантаке-йе жиуполитик-е Халидж-е фарс [Страны и границы в геополитическом регионе Персидского залива] / Пер. на перс. яз. Малека Мохаммади. Тегеран, 1373/1994.

Мохаммади, Хамид-Реза. Накш-е гярдешгяри-йе зийарати дар тоусе'е-йе эджтема'и-эктесади-йе сакунатгахха-йе зийаратгахи-йе рустайи [Роль паломнического туризма в социально-экономическом развитии сельских поселений] // Рошд-е амужеш-е джографйа XXIII:2 (1387/2008).

Мохтари, Мохаммад Махди. Фидель Кастро ахерин базманде-йе джанг-е сард ва чалешха-йе даруни ва бируни-йе Куба [Фидель Кастро – пережиток Холодной войны: внешние и внутренние угрозы Кубы]. Тегеран: Эттела'ат, 1386/2007.

Мошир-заде, Хомейра. Тахаввол дар назарийеха-йе бейн ал-мелал [Эволюция теории международных отношений]. Тегеран: САМТ, 1386/2007.

Мэнсфилд, Питер. Та'рих-е Хавар-е Мийане [История Ближнего Востока] / Пер. на перс. яз. 'Абд ал-'Али Эспахбоди. Тегеран, 1388/2009.

Най, Джозеф. Карборд-е кодрат-е нарм [Использование мягкой силы] / Пер. на перс. яз. Сеййеда Резы Мира Тахера. Тегеран: Кумис, 1382/2003.

Накиб-заде, Ахмад. Та'сир-е фарханг-е мелли бар рафт-ар-е сийаси-йе ираниан [Влияние национальной культуры на политическое поведение иранцев]. Тегеран, 1382/2003.

Пиран, Пируз. Энкелаб-е джахангярди [Туристическая революция] // Иран-замин I:2, 1390/2011.

Ранджбариан, Бахрам. Шенахт-е гярдешгяри [Наука о туризме]. Исфахан: Чахарбаг, 1384/2005.

Рахмани, Та'иб. Гофтогу-йе Иран ва Орупа [Диалог Ирана и Европы]. Тегеран, 1375/1996.

Резайи, Мохсен; Мобини, 'Али. Иран-е айанде дар офок-е чешмандаз [Будущее Ирана в обозримой перспективе]. Тегеран, 1385/2006.

Садик Зера'ати, Джа'фар. Базарйаби-йе бейн ал-мелали-йе гярдешгяри [Международный туристический маркетинг] // Мосафериан II:6 (1388/2009).

Сайф-заде, Хосейн. Назарийеха ва тиуриха-йе мохталеф дар равабет-е бейн ал-мелал-е фарди-джахани шоде [Школы и теории индивидуализированных и глобализированных международных отношений]. Тегеран, 1384/2005.

Симпсон, Джон. Фарджам-е диктатур [Конец диктатора] / Пер. на перс. яз. Асгар Кахраманпур. Тегеран: Хорсанди, 1388/2009

[в оригинале: The Wars Against Saddam: Taking the Hard Road to Baghdad].

Таки-заде Давари, Махмуд. Негах-и бе джаме'ешенаси-йе зийарат [Беглое знакомство с социологией паломничества] // Ма'рефат X:6 (1380/2001).

Талашан, Хасан. Дурнама-йе жиуполитик-е ши'е дар 'Арак [Перспективы геополитики шиизма в Ираке] // Ши'ешенаси VIII:31 (1389/2010).

Тахлилха-йе чалешха-йе бахш-е гярдешгяри [Анализ проблем туристического сектора] // Маджлес ва пажухеш XI:12 (1371/1992).

Тюаль Ф. Жиуполитик-е ши'е [Геополитика шиизма] / Пер. на перс. яз. Кетайун Басер. Тегеран: Вистар, 1382/2003.

Хаджжи Йусефи, Амир Мохаммад. Сийасат-е хареджи-йе Джомхури-йе Эслами-йе Иран дар партоу-е тахавволат-е мантакеи (1991–2001) [Внешняя политика ИРИ в свете региональных изменений (1991–2001)]. Тегеран, 1384/2005.

Хаджжи Йусефи, Амир Мохаммад. Чешмандазха-йе мантакеи ва бейн ал-мелали-йе 'Арак-е пас аз Саддам [Региональные и международные перспективы постсаддамовского Ирака]. Тегеран, 1387/2008.

ал-Хаффаф, Хамид. Дидегахха-йе сийаси-эджтема'и-йе айатолла Систани дар маса'ел-е 'Арак [Социально-политические взгляды айатоллы Систани по иракской проблеме] / Пер. на перс. яз. Мохаммада Джавада Рахмати. Тегеран: Кявир, 1392/2013.

ал-Хаффаф, Хамид. Нагофтеха-йи аз сафар-е дармани айатолла Систани ва бохран-е Наджаф [Неизвестные страницы поездки айатоллы Систани на лечение и наджафский кризис] / Пер. на перс. яз. Мохаммада Реза Марварида. Тегеран: Эттела'ат, 1391/2012.

Хосрови, Гулам-Реза. Чешмандаз-е 'Арак-е айанде [Панорама будущего Ирака]. Тегеран, 1390/2011.

Чехельтани, Махди. Тавассоль моуред та'айид-е ши'е ва сонниаст [Прибегание к посредническому заступничеству одобряется шиитами и суннитами] // Та'рих ва андише 73 (1389/2010).

Шафи'и, Ноузар; Шейхун, Ахсан. Тахлил-е сазеангаране аз та'сир-е кодрат-е фарханги бар хежемуни-йе Айалат-е моттахеде-йе Амрика дар незам-е бейн ал-мелал [Конструктивистский анализ влияния культурной силы на гегемонию США в международной системе] // Мотали'ат-е мийанфарханги V:12 (1389/2010).

Baldwin, David A. Power and International Relations // Handbook of International Relations. Ed. by Walter Carlsnaes, Thomas Risse and Beth A. Simmons. London: Sage Publ., 2002. P. 177–191.

Buzan, Barry. Regions and Powers: The Structure. London: Cambridge Univ. Press, 1996.

Ehteshami, Anushirvan. Iran-Iraq Relation after Saddam. Washington, 2003.

Flemes, Daniel. Conceptualising Regional Power in International Relations: Lessons from the South African Case // GIGA Working Papers (German Institute of Global and Area Studies, Hamburg), No. 53, 2007. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/47734/1/605416184.pdf>.

Halliday, Fred. Revolution and World Politics: The rise and fall of the sixth great power. London: Palgrave Macmillan 1999. 402 p.

Mitrany, David. A Working Peace System. Chicago: Quadrangle, 1966. 221 p.

Nasr, Vali. Regional Implication of Shia Revival in Iraq // *Washington Quarterly*, Vol. 27, No. 39, 2004.

Nye, Joseph S. Soft Power // *Foreign Policy*, 1990, No. 80. P. 153–171.

Pedersen, Thomas. Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*, Vol. 28, No. 4, 2002. P. 677–696.

Shaw G., Williams A.M. Critical issues on tourism: a geographical perspective. Oxford: Basil Backwell, 1994.

Schoeman, Maxi. South Africa as an Emerging Middle Power: 1994–2003 // *State of the Nation: South Africa 2003–2004*. Ed. by John Daniel, Adam Habib, Roger Southall. Pretoria: Human Sciences Research Council, 2003. P. 349–367.

Vaez, Nafiseh. Opportunity and Limitation of Religious Pilgrim in Iran and Iraq relations // 18th International DAVO Congress for Contemporary Research on the Middle East, Berlin, 6–8 October, 2011.

Vaez, Nafiseh. A Study of Obstacles to the Establishment of an Islamic Union in the Middle East // *World Congress for Middle Eastern Studies*. Barcelona, 19–24 July, 2010.

ОБ АВТОРАХ

ДРУГОВ Алексей Юрьевич – д.п.н., главный научный сотрудник ИВ РАН. Окончил Восточный факультет МГИМО МИД СССР в 1960 г. В Индонезии работал военным переводчиком в центре подготовки индонезийских подводников (1961–1962) и в Советской военной миссии (1962–1964). По возвращении в Москву преподавал в Военном институте иностранных языков (1964–1965); с 1966 по 1991 г. работал в Международном отделе ЦК КПСС (от младшего референта до заместителя заведующего сектором), а с 1991 г. – в ИВ РАН. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории «*Политическое развитие Индонезии в 1965–1971 гг.*», в 1999 г. – докторскую диссертацию по политологии «*Политическая культура и политический процесс в независимой Индонезии (1945–1998)*». Автор около двух сотен научных работ, в том числе 7 монографий.
E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

КОСАЧ Григорий Григорьевич – д.и.н., профессор Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется на изучении политических процессов в арабском мире, российской политики на Ближнем Востоке, общественно-политическом развитии Саудовской Аравии. Автор более 150 научных трудов, включая монографии: «*Красный флаг над Ближним Востоком?*» (2001); «*Коммунисты Ближнего Востока в СССР. 1920–1930-е годы*» (2009); «*Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения*» (М.: ИИБВ, 2003; в соавт. с Е.С. Мелкумян); «*Саудовская Аравия: политические процессы 1990–2000-х гг.*» (2013); «*Российско-саудовские отношения: политический аспект. 1990–2015 гг.*» (2016).
E-mail: g.kosach@mail.ru

САРАБЬЕВ Алексей Викторович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН. Окончил Естественно-географический факультет ЯГПУ (1996) и Историко-филологический факультет ПСТБИ (2003). По окончании аспирантуры ИВ РАН защитил в 2008 г.

кандидатскую диссертацию по истории, в 2017 г. окончил докторантуру ИВ РАН с темой «Межконфессиональные отношения на Ближнем Востоке на примере Сирии и Ливана». Член РГО, входит в состав Совета Московского отделения ИППО. Эксперт Дискуссионного клуба «Валдай». Автор научных статей по истории и социально-политическим вопросам Ливана и Сирии, глав в коллективных монографиях. Руководитель межотдельской научной лаборатории ИВ РАН «Религия и общество на Востоке» и главный редактор одноименного периодического издания. Автор книг: «Дома, за рубежом. Миграции христиан Сирии и Ливана (вторая половина XIX – первая половина XX в.)» (2012); «Марониты: традиции, история, политика» (2013; в соавторстве с М.А. Родионовым. В 2019 г. издана в Ливане на англ. яз.); «Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра?» (2017).
E-mail: alsaraby@ivran.ru

СЛЕДЗЕВСКИЙ Игорь Васильевич – д.и.н., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. В 1963 г. окончил Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Современные хауса Северной Нигерии» в Институте Африки АН СССР, а в 1990 г. – докторскую диссертацию «Социоисторические структуры Западной Африки. Проблемы взаимоотношений местных социальных организмов и исторической среды» в Институте востоковедения АН СССР. С 1967 г. работает в Институте Африки, специализируется по социальной истории Африки, этносоциологии и теории цивилизаций. Сотрудник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.
E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

СТЮАРТ Филип – PhD, старший научный сотрудник Фонда Кеттеринга (США), секретарь правления Института устойчивого диалога и почетный профессор Университета штата Огайо. С 2012 г. – советник директора израильского Форума гражданского согласия. Исполнительный директор

(с 1972 г.), а с 2000 – сопредседатель российско-американской Дартмутской конференции.

ЯКОВЛЕВ Александр Иванович – д.и.н., профессор кафедры региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ им. Ломоносова и профессор Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В Институте востоковедения РАН работает с 1970 г., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований. В 1976 г. окончил Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской, в 1980 г. защитил кандидатскую, а в 1999 г. докторскую диссертации. Сферы научных интересов: социально-экономического развитие нефтяных монархий Аравии, модернизация стран Востока, Ближний Восток в цивилизационном измерении, история России в XIX и XX веках. Автор около ста научных статей и 29 книг. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ВА'ЭЗ Нафисе – доцент Факультета политологии Исламского открытого университета (Азад), отделение Шахреза (Исфахан, Иран). E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

ABOUT AUTHORS

DRUGOV Aleksei Yurievich – Doctor in Politology, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS. He graduated from the Oriental Department of Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs in 1960. He worked in Indonesia as a military translator at the Training center for Indonesian submariners (1961–1962) and in the Soviet military mission (1962–1964). Upon returning to Moscow, he taught at the Military Institute of Foreign Languages (1964–1965); From 1966 to 1991 he worked in the International Department of the Central Committee of the CPSU (from junior assistant to deputy head of the sector), and since 1991 he work in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. In 1972, he defended his doctoral dissertation in history titled “Political Development of Indonesia in 1965–1971,” and in 1999, his doctoral dissertation in political science, “Political Culture and Political Process in Independent Indonesia (1945–1998)”. The author of about two hundred papers, including 7 books. E-mail: alexdrugov37@yandex.ru.

KOSACH Grigory Grigoryevich – Doctor in History, Professor, Faculty of World Politics, Moscow State University. He specializes in studying political processes in the Arab world, Russian politics in the Middle East, and socio-political development of Saudi Arabia. The author of more than 150 scientific works, including the monographs: “The Red Flag Over the Middle East?” (2001); “Communists from the Middle East in the USSR, 1920–1930s”(2009); “Foreign Policy of Saudi Arabia: Priorities, directions, decision-making process ”(Moscow, 2003; co-authored with Elena S. Melkumyan); “Saudi Arabia: Political Processes 1990–2000” (2013); “Russian-Saudi relations: a political aspect, 1990–2015” (2016). E-mail: g.kosach@mail.ru

SARABIEV Aleksei Viktorovich – PhD, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. He graduated from the Faculty of Natural Sciences of the Yaroslavl State Pedagogical University (1996) and then the Faculty of History and Philology of the Orthodox St. Tikhon Theology Institute (Moscow, 2003).

At the post-graduate school at the Institute of Oriental Studies of RAS, he defended his PhD in History. He is a member of the Russian Geographical Society; member of the Council of the Moscow branch of Imperial Orthodox Palestinian Society; expert of the Valдай Discussion Club. Author of a several dozens of papers on the history and socio-political issues of Lebanon and Syria, as well as number of chapters in collective monographs. The Head of the interdivisional research laboratory "Religion and Society in the East" at IOS RAS and the Editor-in-Chief of the periodical with the same title. Author of books: "At Home, Abroad. Migration of the Christians of Syria and Lebanon (second half of the XIX – the first half of the XX century)" (2012); "Maronites: Traditions, History, Politics" (2013; co-authored with Mikhail A. Rodionov. In 2019, published in Lebanon in English); "Christians of the Middle East: Yesterday, Today... Tomorrow?" (2017). E-mail: alsaraby@ivran.ru.

SLEDZEVSKY Igor Vasilievich – Doctor in History, Head of the Center for Civilizational and Regional Studies, Institute of Africa, RAS. In 1963 he graduated from the Faculty of History of Moscow State University. In 1967 he defended his doctoral dissertation "Modern Hausa of Northern Nigeria" at the Institute of Africa, Academy of Sciences of the USSR, in 1990 he defended his doctoral dissertation "Sociohistorical Structures of West Africa. Relations between local social organisms and the historical environment" at the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR. Since 1967 he has been working at the Institute of Africa, specializing in the social history of Africa, ethnosociology and the theory of civilizations. Fellow of the Leningrad State University. E-mail: igor25011904m@yandex.ru.

STEWART Philip – PhD, Senior Associate at the Kettering Foundation, Board Secretary at the Sustained Dialogue Institute, and Professor Emeritus at The Ohio State University. Since 2012 he is an Advisor to the Director of the Citizens' Accord Forum in Israel. Executive Director (since 1972), and since 2000 – Co-Moderator of the Dartmouth Conference.

VAEZ Nafiseh – Associate Professor, Department of Political Science, Shahreza Branch, Islamic Azad University, Isfahan, Iran. E-mail: vaezsh85@iaush.ac.ir

YAKOVLEV Alexander Ivanovich – Doctor in History, Professor, Department of Regional Problems of World Politics, Faculty of World Politics of the Moscow State University and professor at the Faculty of History of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Since 1970, he has been working at the Institute of Oriental Studies of RAS – a Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies. In 1976 he graduated from the Moscow Regional Pedagogical Institute, in 1980 he defended his PhD, and in 1999 a doctoral dissertation. Field of research interests: socio-economic development of the oil monarchies of Arabia, modernization of the East, the Middle East in the civilizational dimension, the history of Russia in the XIX and XX centuries. Author of about one hundred papers and 29 books. E-mail: aliv_yak@mail.ru.

ABSTRACTS

Alexander I. YAKOVLEV. The Crisis in Relations Between the Patriarchates of Constantinople and Moscow in the Context of World Politics of the XX–XXI centuries

The author analyses the main confessional and political aspects of the conflict between the two Patriarchates—of Constantinople and Moscow, which escalated in 2018–2019 in connection with the provision by Constantinople of autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. Attention is drawn to the increase in the religious (civilizational) factor in world politics and its use in modern international relations. The historical prerequisites of this conflict are named, such as the problem of Church autocephaly and the formation of national Churches, a change in world order at the beginning and at the end of the 20th century. Particular attention is paid to the claims of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world, its persistent attempts to affirm their supremacy in relation to all other ancient and new Churches. A significant role in such a policy was played by the personalities of the heads of the Patriarchate of Constantinople in the 20th century. The sources of conflicts are shown between Constantinople and Moscow, in particular on the Ukrainian issue, and the attempts of both sides in the second half of the 20th century to improvement of relations. Attention is drawn to the relationship of the Cretan Council of several Orthodox Churches in 2016 and the subsequent decision of Constantinople on the autocephaly of the Ukrainian Church. The author reveals the sense of using religious issues by the UK and the USA in their policies of containing and weakening Russia. Thus, the crisis in relations between the two parts of the Oecumenical Church has not only a purely church (ecclesiological) significance, but has also become part of the process of transformation of the world system of international relations in the 21st century.

Keywords: religion, Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Patriarchate of Constantinople, Ukrainian Orthodox Church, autocephaly, national Church, Cretan Council, schism.

Aleksei V. SARABIEV. Russian Influence on Middle Eastern Church Affairs: 120 years ago

Several years before and after the onset of the 20th century became the “golden time” in the history of our country's foreign policy regarding Russian influence on church affairs in the Middle East. The author highlights the key points that make it possible to characterize that period in this way. Some obvious successes of foreign religious policy were manifested,

in particular, in the sphere of lobbying the candidatures of Church hierarchs on the Orthodox throne of Antioch and even on Constantinople. An important milestone in the religious policy of the Russian Empire abroad was the success of the election in the spring of 1899 to the Antiochian patriarchal throne of the first Arab patriarch Meletius II Dumani. Soon the “russophile” party won the elections of the Patriarch of Constantinople, when in May 1901 Joachim III, famous for his alleged pro-Russian views, ascended the throne. Many years of ostracism followed towards the Antiochian Arab hierarchy (slowly strengthening) from the side of Greek hierarchies of the Patriarchates of Constantinople, Jerusalem and Alexandria. At the same time, the educational activity of the IOPS remained in the foreground of Russian influence, which would weaken only by the beginning of the First World War. The lack of church cadres for the Arab hierarchy of bishopric chairs of the Antioch Church and Russia’s participation in their preparation, the painful issue of confessional transitions in different regions, the connection of church affairs with international political competition in the Middle East, are considered by the author on the basis of archival documents. Russian diplomats closely monitored inter-confessional relations in the region, especially issues associated with the Orthodox community, apparently considering it to be partly their area of responsibility. This was due, among other things, to the rivalry of foreign missions “for souls” in the Middle East territories. The ups and downs of inter-religious relations and the distinct confessional protectionism of French, British, Italian, German and other Western diplomats are also reflected in the reports of the Russian consuls, who worthily defended the interests of the Russian Empire in the Middle East in the last years of the 19th and early 20th centuries. The turning to the topic of foreign religious politics in the historical dimension provides rich material for the analysis of both the positive consequences of such an influence and political miscalculations along this path. It also sheds light on many contemporary issues of inter-church interaction.

Keywords: foreign religious policy, external influence, church hierarchy, interfaith relations, Arab Christians, Orthodox Church, Middle East, Russian Empire, Ottoman Empire.

Grigory G. KOSACH. Russia’ “Islamic” Diplomacy: Organization of Islamic Cooperation

The article discusses one of the modern Russian foreign policy trends – the emerged in the early 2000s clear line to establish and develop

relations with the Organization of Islamic Cooperation – the OIC (originally the Organization of the Islamic Conference). OIC unite Muslim countries of the world. As for the reasons that aroused Moscow's interest in interacting with this organization, the author underlines the intensifying Russian contacts with the Arab states of the Gulf zone, primarily with Saudi Arabia. This interest was determined, on the one hand, by economic considerations, and on the other, by the situation in the “Muslim” regions of the Russian Federation (in particular, in the North Caucasus). The development of religious activism and the reality of military operations on the territory of Chechnya the second half of the 1990s predetermined Moscow's view of the OIC as an instrument to mitigate the internal “Muslim” challenge. At the same time, the possibility of establishing relations with the OIC (created and financially supported by Saudi Arabia) required the development of relations between Moscow and Riyadh. The evolution of these relations, characterized by the author as “conflict interaction”, determined the Russian course towards the OIC throughout the time of the beginning of the XXI century. The Saudi factor, as it is assessed in Moscow, became decisive for Russian “Islamic” diplomacy even after Russia officially joined (2005) the OIC as an observer country. Fluctuations in relations with Riyadh also determined the Russian approaches to relations with the OIC, which varied between the freezing of ties and the pragmatism in relations with this organization after 2017 after King Salman bin Abdel Aziz' visit to the Russian capital.

Keywords: Organization of Islamic Cooperation, Russia, Saudi Arabia, Russian-Saudi Political Interaction, Russia' Economic Ties with the countries of Islamic World, Russian Moslem Community, Chechen Republic, Tatarstan.

Igor V. Sledzevski. The Struggle for True Faith: Religious Revolution in Black Africa

The main issue of the article is the role of the world's largest religions – Christianity and Islam in the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa in the XX – early XXI c. The author poses the problem of revolutionary changes and new opportunities of cultural self-determination of Tropical Africa, which open to modern generations of Africans in the context of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival. It includes the phenomenon of world religious revival, his connection with globalization processes, formation of the multi-polar, poly-cultural world. The subject of the research

is the role of Christianity and Islam in the self-determination of the Black Africa people at the present stage of the world religious revival, the rise of religious nationalism, the denial of westernization of non-Western societies as a universal and purely secular model of social modernization. The purpose of the study is to discuss the issue of new opportunities for religious self-determination in Black Africa, which pave to its population the way of changes in the confessional space of the region and the global rise of movements for religious revival (Islamic fundamentalism, “southern Christianity”) that appear as anti-secular, anti-Western movements. The main factors and processes of filling the cultural self-determination of the peoples of Tropical Africa with religious content are considered: the trends of de-secularization of the world community; the evolution of the principles and values of African syncretic religions in the direction of universal dogmas of world religions; the processes of religious mobilization of social groups and segments of the African population; the strengthening of the role of the religious component in the cultural identity of Africans. It is concluded that in the civilizational development of the region there is a religious and cultural turn.

Keywords: Islam and Christianity, modern post-secular world, changes in the confessional structure of the population of Tropical Africa, cultural and religious self-determination of the peoples of Tropical Africa, African religious syncretism and its evolution, religious revolution religious mobilization, Afro-Christian and Islamic-African identity.

Philip STEWART. Peacekeeping in Israel: Towards an Open Society in Sustainable Democracy

The article discusses the opportunities and challenges faced by one of efforts for deepening democratic path in Israel, the Citizens Accord Forum (CAF) founded in 2002. The author has been an informal partner and advisor to the CAF director for the past eight years. The Forum conducts a range of projects, including an Arab-Jewish newspaper, a multi-ethnic youth center, work with the Knesset, the only large-scale public meeting regularly attended by prominent Jews and Arabs, known as the Jaffa Convention, as well as dozens of on-going groups of Arabs and Jews using deliberative dialogue to address or manage practical problems in their communities. The more precise formulation of CAF’s objectives is a shared society in a sustainable democracy. CAF understands democracy as a system of governance in which power comes from the ability of citizens to decide and act on shared concerns – beginning in

their communities – and thus work to shape their common future, both through what they do with other citizens and through their institutions. The shared society and the sustainable democracy, are interdependent elements.

Keywords: deliberative civil dialogue, civil values, religious freedom, equality and liberty, shared society, sustainable democracy, Citizens Accord Forum, Israel.

Nafiseh VAEZ. The Impact of Pilgrimage Trips on Iran's Regional Policy and on Its Relations with Renewed Iraq

In focus of the article is the effect of Iranian Shiite pilgrimage trips to Iraq on Iran's regional politics, as well as on Iran's relationship with a renewed Iraq. The author uses elements of a descriptive-analytical method, as well as a synthesis of the theory of Flemish leadership criteria, the theory of a functional imperative for Mitrani's collaboration, and the constructivist theory of the impact of social norms on the political behavior of actors. The research hypothesis is that, due to the influence of Shiite identity on Iran's policies by a significant part of the region's population, pilgrimage trips created an imperative for cooperation between the two countries: strengthening Iran-Iraq relations, they will create the prerequisites for the implementation of the policy of Islamic unification in the Middle East based on the experience of deep interactions with Iraq. This experience indicates that the most important functions of pilgrimage trips for the regional policy of Iran and Iran-Iraq relations are as follows: creating a basis for Islamic convergence, rethinking the concept of "Islamic identity" and using the cosmopolitan function of spiritual travel, turning the borders of war into the borders of the world, and Iran's failure from the revival of previous political differences and reliance on soft power politics in a renewed Iraq, the influence of pilgrim spirituality on the spread of the idea of non-violence and is tired the emergence of peace in the region, participation in the reconstruction of Iraq with an emphasis on the reconstruction of the tombs of Shiite imams in Baghdad, Najaf and Karbala. Iran's policy towards Iraq is formalized using constructivist analysis based on the priority of the rule over interests.

Keywords: pilgrimage, religious tourism, regional politics, political power, Iran, Iraq, Shiite culture.

Aleksei Yu. DRUGOV. Moslem Radicalism and Terrorism in Indonesia Today

Based mainly upon materials from Indonesian press and by Indonesian authors, the paper shows that religious radicalism and terrorism as its extreme form are resulting mostly from social and economic factors. The main are social inequality and disparity in the development of regions. The external factor plays their role too. The Islamic extremism is generated among other reasons by the threat of unipolar world policy pursued by the USA. The article deals also with steps taken by the present Indonesian government, both political and by force to meet the threat of radicalism and terrorism. The main author's conclusion is that the way to overcome radicalism and terrorism lays in overcoming its roots. The government of President Joko Widodo is taking certain steps considering that in Indonesia disparities of social and economic development often coincide with geographic factors, while confessional differences are overlapping them. The government is developing the infrastructure to provide progress of most remote regions. Several programs are aimed at rising education level, wellbeing and health facilities for poorest Indonesians. The government warns against connecting terrorism with Islam religion which is inseparable part of the world civilization. Indonesia itself especially under President Abdurrahman Wahid who was distinguished Moslem leader (1999-2001) proved that Islam and democratic reforms do not confront each other.

Keywords: Islam, religion, radicalism, terrorism, social roots, inequality, contradictions, intolerance, democracy.

One Informant Report (1920) on the Situation in Turkey

Publication of the archival document; foreword and comments by Aleksei V. SARABIEV.

As the core of this paper is presented the publication of one small secret intelligence report from Istanbul (September 1920). The document contains a meeting description accompanied by the transmission of the conversation between the US military representative and the head of the Ottoman government (Grand Visir) in Istanbul during the difficult period for Asia Minor—with both duarchy and large-scale foreign intervention. The structure of the paper includes a detailed commentary on the published archival document with a brief author's introduction. The commentary gives an outline and some details of the historical background of the events of that time, in which Russia, also torn apart by the civil

war and intervention, was indirectly involved. The growing influence of the United States in military-political conflicts in the regions of the Black and Mediterranean Seas is emphasized. The main focus of the comments is done on the religious argument in proving the military activity and political competition of the world powers in Asia Minor. The religious and confessional aspect of social instability is also highlighted as significant, although it was subordinated mainly to the phenomena that act as the leading factors of civil confrontation in the Asia Minor territories of the former Ottoman Empire—the national-political, economic (struggle for concessions), as well as the Ottoman wars with so-called Christian powers and the ensuing direct military intervention.

Keywords: interventions, religious factor, interfaith clashes, Entente, Ottoman Empire, Turkish Republic, USA, Russia, Crimea, Treaty of Sevres, Pyotr N. Wrangel, Damad Ferid Pasha.

IN THE PAST ISSUES

TO READERS, or Endless Talk about the Study of the East, by *Aleksei V. Sarabiev*

To the fundamentals of the methodology for studying traditional communities of the East (extended transcript of the round table, IOS RAS, December 18, 2017)

Leonid B. Alaev. Was there a community? (Interview)

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith relations in the light of deprivation theory versions

Leonid I. Medvedko. Three circles of Russian Eurasianism in the dichotomy of the East–West

Veniamin V. Popov. Eurasian essence of the Russian civilization

Mahdi Salihi, Mohammad Masjed-Jame'i, Ahmad Mokri. Islamic-Christian dialogue in modern Iran: a problematic analysis

Ildar Kh. Minyazhetdinov. Politics of the Vatican in the modern Islamic world: on the issue of the strategy of ecumenization of traditional Islam

Sergey L. Kuzmin. Buddhism and socialism: a comparative analysis of interactions in the USSR, TNR, Mongolia and the PRC

Elena S. Lepekhova. The religious aspect of the legitimization of the status of women empresses in the Far East (Wu Hou and Koken)

Lebanese society through the eyes of the Maronite Patriarch Boulos Meoushi: two reports of Swiss ambassadors to Beirut Preparation, translation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

For references: *Religion and Society in the East*, 2019, Vol. III (Ed.-in-Chief Aleksei V. Sarabiev; Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow), 374 p. ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5.

Issue II (2018)

TO READERS, or the Historicity of Actual Problems and the Relevance of Historical Retrospection, by *Aleksei V. Sarabiev*

Alexander V. Demchenko. Clans in Gaza Strip Politics

Grigory G. Kosach, Elena S. Melkumyan. Gulf Arab Countries: Field of Confrontation with Terror

Ildar Kh. Minyazhetdinov. "Atypical" terrorism in the ethno-confessional conflict in Iraq (on an example of the terrorist attack in Khan Bani Saad)

Natalia A. Berenkova. Shiite Transnational Movements Features in the Middle Eastern Arab Countries

Aida A. Simoniya. The Issue of Ethno-Confessional Relations in Burmese Society

Vera D. Karateyeva. Chinese Catholics between the Vatican and the Communist Party: A Split Church in the Realm of Unanimity

Ekaterina A. Zavidovskaia. Temple festival in Taiwan: procession devoted to worship of Green mountain ruler Qingshan Wang held in a Taipei temple

Sergius L. Kuzmin. Mechanisms of Elimination of Monarchies in the States of Inner Asia in the First Half of the 20th Century

The Files about the "Unification" of the Churches, 1911-1912: Antioch Trajectory. Composition, preparation and comments by *Aleksei V. Sarabiev*

Issue I (2017)

TO READERS (Preface, by *Aleksei V. SARABIEV*)

Grigory G. Kosach. Saudi Arabia: “Religious State” or “State’s Religion”?

Elena V. Dunaeva. Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity

Evgenia S. Yurlova. India. Castes in Politics

Aleksei V. Sarabiev. Interfaith Relation Issues in Syria

Maria A. Pakhomova. Society, Religious Politics and Islam in China

Vladimir V. Orlov. “Big” and “Small” Moroccan Islam Tradition: Problems of Distinction and Socio-Cultural Context

Abdullah Al-Ahmar (Syria). Religious Issues Through the Prism of the Ideology of Arab Socialist Ba’ath Party

В ПРОШЛЫХ ВЫПУСКАХ

Выпуск III (2019)

К читателям, или Нескончаемый разговор об изучении Востока (*Сарабьев А.В.*)

В ПОИСКАХ ОБЩЕГО ЗНАМЕНАТЕЛЯ

К основам методологии изучения традиционных общин Востока (расширенная стенограмма круглого стола, ИВ РАН, 18 декабря 2017 г.)

Алаев Л.Б. А была ли община? (Интервью)

Сарабьев А.В. Межконфессиональные отношения в свете вариантов депривационной теории

ВОСТОК – ЗАПАД

Медведко Л.И. Три круга русского евразийства в дихотомии Востока-Запада

Попов В.В. Евразийская сущность Российской цивилизации

НИТЬ СОБЫТИЙ – КАНВА ИДЕЙ

Салехи М., Масджед-Джаме'и М., Мокри А. Исламо-христианский диалог в современном Иране: проблемный анализ

Миняжетдинов И.Х. Политика Ватикана в современном исламском мире: к вопросу о стратегии экуменизации традиционного ислама

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Буддизм и социализм: сравнительный анализ взаимодействий в СССР, ТНР, МНР и КНР

Лепехова Е.С. Религиозный аспект легитимации статуса женщин-императриц на Дальнем Востоке (на примере императриц У-хоу и Кокэн)

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Ливанское общество глазами маронитского патриарха Булоса II Меуши: два донесения швейцарских послов в Бейруте (Подготовка, перевод, комментарии – *Сарабьев А.В.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2019, Вып. III (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2019. – 374 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-780-5)

Выпуск II (2018)

К читателям, или Историчность актуальных проблем и актуальность исторической ретроспекции (*Сарабьев А.В.*)

нить событий — канва идей

Демченко А.В. Клань в политической жизни сектора Газа

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Арабские страны Залива: поле конфронтации с террором

Миняжетдинов И.Х. «Нетипичный» терроризм в этноконфессиональном конфликте в Ираке (на примере ситуации вокруг теракта в г. Хан Бани Саад)

Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока

Симония А.А. К вопросу об этноконфессиональных отношениях в бирманском обществе

Каратеева В.Д. Китайские католики между Ватиканом и коммунистической партией: расколота церковь в царстве единодушия

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Кузьмин С.Л. Механизмы ликвидации монархий в странах Внутренней Азии в первой половине XX века

Крупным планом

Завидовская Е.А. Храмовый праздник на Тайване: процессия по случаю дня рождения Правителя Зеленой горы Циншань-вана в г. Тайбэй

EX PRINCÍPIIS / из источников

Дело об «объединении» Церквей, 1911–1912. Антиохийская траектория. (Составление, подготовка к публикации и комментарии – *А.В. Сарабьев*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2018, Вып. II (Гл. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2018. – 335 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-759-1)

Выпуск I (2017)

К читателям (*Сарабьев А.В.*)

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «религиозное государство» или «государственная религия»

Дунаева Е.В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности

Юрлова Е.С. Индия. Касты в политике

Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии

Пахомова М.А. Общество, религиозная политика и ислам в Китае

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Орлов В.В. «Большая» и «малая» традиции в марокканском исламе: проблемы разграничения и социокультурного контекста

EX PRINCÍPIIS / ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Аль-Ахмар, Абдалла. Религиозная проблематика сквозь призму идеологии Партии арабского социалистического возрождения = Аль-кадайя ад-динийя мин манзар фикр Хизб аль-баас аль-араби аль-иштираки (*на араб. яз.*)

Для цитирования: *Религия и общество на Востоке*, 2017, Вып. I (Отв. ред. А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН). – М.: ИВ РАН, 2017. – 290 с. – (ISSN 2542-1530; ISBN 978-5-89282-719-5)

Первые результаты работы созданной в Институте востоковедения РАН в ноябре 2015 г. межотдельской научной лаборатории «Религия и общество на Востоке» составили отдельный одноименный тематический выпуск периодического издания **«Восточная аналитика», 2015, Вып. 3:**

Яковлев А.И. Религия и религиозный фактор в эпоху глобализации

Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане

Бектимирова Н.Н. Буддийский ренессанс в Камбодже: тенденции и перспективы

Симония А.А. Буддисты Мьянмы становятся влиятельной политической силой

(Выпуск содержал расширенные абстракты и переводы некоторых статей на англ. яз.)

Для цитирования: *Восточная Аналитика*, 2015, Вып. 3: Религия и общество на Востоке / отв. ред. выпуска А.В. Сарабьев; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 84 с. – (ISSN 2227-5568; ISBN 978-5-89282-689-1).